

Узакный детектив

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Вечная Золушка,
или Красивым жить не запретишь

Изящный детектив от Галины Куликовой

Галина Куликова

**Вечная Золушка, или
Красивым жить не запретишь**

«ЭКСМО»

2014

Куликова Г. М.

Вечная Золушка, или Красивым жить не запретишь /
Г. М. Куликова — «Эксмо», 2014 — (Изысканный детектив от
Галины Куликовой)

Говорят, не родись красивой, а родись счастливой... У Женьки Ярославской нет ни того, ни другого. Она сирота. Живет у дяди и работает в его же фирме секретаршей за еду и кров. Кругом бродят стада красивых мужчин, но никто не обращает на нее внимания. В общем, жизнь у Женьки – полная безнадега... И тут вдруг появился свет в конце туннеля – пропал ее брат и начальник Ян Ярославский, и если Женька его найдет, то отхватит награду, двадцать тысяч зеленых! Поиски брата приводят секретаршу и ее приятеля Веньку Лаптева в салон видеопроката. Но и здесь друзьям крупно не везет – после беседы о Яне владелец проката покончил с собой. И Женя решает разбиться в лепешку, но узнать, что за тайные дела творятся в этом странном местечке...

Галина Куликова

Вечная Золушка, или

Красивым жить не запретишь

© Куликова Г.М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Женя присела на корточки и прижала ухо к замочной скважине, чтобы удобнее было подслушивать. В конце концов, речь шла о ней.

– А что ваша племянница? – спросил один из представителей закона, которые наводнили дом после исчезновения Яна. – В ней вы абсолютно уверены?

Проворно приложив к замочной скважине глаз вместо уха, Женя увидела, как ее дядя, попавший точно в фокус, нахмурил благородный лоб.

– Племянница выполняла при вашем сыне секретарские обязанности. То есть была в курсе многих важных дел.

– Что это вы хотите сказать?

– Только то, что в подлунном мире для молодых людей существует масса соблазнов...

– Бог мой, вы же ее видели! – раздраженно отозвался дядя. – Моя племянница похожа на серую мышь. И соблазны ей абсолютно чужды. Она никогда не просила у меня денег ни на платье, ни на развлечения.

– Может быть, ей неловко было просить? – живо откликнулся невидимый Жене человек в штатском. – Она ведь живет у вас на правах бедной родственницы, как я понимаю?

Женя засопела на полу, изо всех сил сдерживая нахлынувшие на нее чувства.

Георгий Николаевич Ярославский, мощный, властный человек, обладатель великолепной седой шевелюры и рокошущего баса, на несколько секунд даже растерялся. Впрочем, тотчас же взял себя в руки и щелкнул пальцами в воздухе.

– Костя, ты проверял мою племянницу? – не поворачивая головы, спросил он. И сам же ответил: – Конечно, проверял. Будь с ней что-нибудь не так, я бы этого не потерпел.

Костя Карпенко, на которого было возложено обеспечение безопасности как самого дяди, так и его прибыльного и потому опасного бизнеса, тут же возник за его плечом, словно дух, повинующийся зову хозяина.

– Я здесь, Георгий Николаевич. На мой взгляд, Евгения – вообще уникальный случай.

– Без комментариев, пожалуйста, – недовольно проворчал Ярославский.

Карпенко тотчас же убрал с лица все эмоции и сдержанно сообщил:

– Евгения Ярославская после трагической смерти родителей проживала в интернате.

– Я забрал ее, когда она получила аттестат, – пояснил дядя.

– Сейчас ей двадцать три года, – продолжал Карпенко, – она окончила курсы секретарей-референтов. Еще курсы английского языка – самые лучшие. После чего стала помогать двоюродному брату.

– Помогать? – уточнил представитель правопорядка. – Если я правильно понял, в ведомостях фирмы она не числится и зарплату не получает.

– Мы взяли ее в семейный бизнес, – раздраженно отозвался Ярославский. – У нее есть крыша над головой, она сыта и одета.

– Но своих денег у нее нет? – не отставал противный чин.

– Кажется, Ян давал ей что-то на карманные расходы, – проворчал Ярославский. – А как же иначе? Не могла же она жить вообще без наличных?

Женя скрипнула зубами и, часто задышав, встала перед дверью на коленки. Карманные расходы! Несмотря на то что Ян был неплохим человеком, такая простая вещь даже не приходила ему в голову. Карманные расходы появлялись у нее только тогда, когда ей удавалось подработать мытьем полов в соседней «Оптике».

– Может быть, она попала в затруднительную ситуацию и ей срочно потребовались наличные?

Ах, умен, умен и опытен этот милиционер!

– Какая затруднительная ситуация! – отмахнулся Ярославский. – В затруднительные ситуации попадают деловые люди. Или, по крайней мере, такие, которые встречаются и общаются с другими людьми.

– У Евгении есть друг. Он тоже интернатовский, – подал голос Карпенко. – Лаптев Вениамин.

Ярославский фыркнул, выражая презрение к Жениному выбору друзей.

– Мелочь, – махнул он рукой. – Компьютерная услуга. Работает в какой-то не заслуживающей внимания фирмочке.

– Зарабатывает копейки, – подтвердил Карпенко. – Большую часть суток обитает в виртуальной реальности. Мало ему работы, так он и излишки зарплаты тратит на Интернет-карты.

– Может быть, они вдвоем попали в э... интересное положение?

– Ненавижу сексуальную распущенность, – сказал дядя брезгливо. – Я бы этого не потерпел.

– Тут и говорить не о чем, – живо подхватил Карпенко. – У Евгении и ее приятеля чисто платонические отношения. Проверял.

– Хм, – сказал чин. – А подруги?

– Нет у нее подруг, – тут же ответил всезнающий Карпенко.

– Ну... так не бывает... – протянул тот. – Девица обязательно захочет посплетничать с другими существами в юбках.

– О чем? – пожал плечами дядя. – Евгения всегда очень занята на работе.

– А может, это бунт? – В голосе чина Жене послышалась издевка. – Она похитила Яна или сдала его похитителям в знак протеста против той стерильной жизни, которую вы ей тут устроили.

Женя усилием воли разжала стиснутые зубы, боясь, что еще немного – и они начнут ломаться и сыпаться на пол.

– Она что, вам жаловалась на жизнь? – с недоверием в голосе спросил Ярославский. – Женя? Жаловалась?

– Да нет, – вздохнул представитель закона. – Увы. Она держалась с достоинством. Хотя я и старался вывести ее из себя.

– Может, она дружна с нашей экономкой? – высказал предположение Ярославский.

Карпенко нервно сглотнул, а чин закашлялся. Вероятно, он уже познакомился с вышеозначенной дамой. Ирма Гавриловна Пыгова, в незапамятные времена получившая кличку Гестаповка, проживала вместе с семейством Ярославских вот уже семнадцать лет, с момента смерти жены Георгия Николаевича. Экономка являлась самой настоящей гадиной и третиро-

вала людей, которые обслуживали большой дом хозяев. Это была длинная, тощая и необычайно некрасивая особь женского пола.

Именно в тот момент, когда о ней зашла речь, экономка возникла в холле, застав племянницу хозяина за весьма постыдным занятием.

– Евгения, – заявила она ледяным голосом, подкравшись поближе, чтобы стопроцентно ее испугать, – ваша поза угрожает шву на брюках. Немедленно встаньте, иначе Георгию Николаевичу придется тратить на новый наряд для вас.

Женя поспешно поднялась на ноги, надеясь, что ее щеки не покрылись предательским малиновым румянцем. Впрочем, лицо уже горело, словно его растерли снегом. В поросячьих глазах экономки появилось удовлетворение. Она стояла перед Женей словно живой укор. Выщипанные ниточками брови чрезвычайно гармонировали с длинными тонкими губами. Невысокая и стеснительная Женя чувствовала себя рядом с ней нашкодившим щенком. Если речь пойдет о том, кто дороже дяде – она или экономка, – выбор будет не в ее пользу.

– Я... Я уронила невидимку, – натужно соврала Женя, двумя руками ощупывая тонкие волосы, уныло висящие по обеим сторонам лица.

– Понимаю, – сказала экономка, поиграв ноздрями. Их трепетание обычно служило знаком устрашения. По крайней мере, садовник при виде шевелящихся ноздрей Ирмы Гавриловны на некоторое время впадал в кому.

Больше всего Женя ненавидела экономку за то, что та без спросу входила в ее комнату когда ей вздумается. Чаще всего в самый неподходящий момент. Ян и дядя хотя бы стучались. Впрочем, искать Женю им приходилось редко – она всегда была под рукой, как старые тапочки.

– Интересно, почему вас не пригласили в библиотеку? – задала риторический вопрос экономка. – Если я не ошибаюсь, вы считаете себя членом семьи? Не забудьте сказать дяде, что вас весьма и весьма интересуют обстоятельства исчезновения его сына. Возможно, тогда вам не придется принимать провокационные позы в холле особняка, куда каждую минуту могут зайти приличные люди.

Закончив свою тираду, экономка развернулась и с достоинством понесла свой тощий зад на кухню, где ей, конечно, было бы самое место, если бы она умела готовить. Женя надеялась, что Пыгова удовлетворится мелкой местью и не настучит дяде, что племянница подслушивала. Еще совсем недавно Женя, конечно, вообще не опустилась бы до такого. Однако за последние дни в ее жизни кое-что изменилось.

Сказать по правде, рыльце у Жени было в пушку, и ничто не могло ее утешить. Только что дядя подтвердил то, о чем она и сама догадывалась. Стоит себя чем-нибудь запятнать, и ее выгонят вон. И если она сама не выстоит в этой жизни, ее, конечно, затопчут. А так, при родственниках, можно набраться секретарского опыта, опериться. Ведь не с ее внешностью рассчитывать на быструю карьеру. Даже будь она красавицей, моральные принципы не позволили бы ей избрать порочный путь наверх. Впрочем, будь она красавицей, у нее наверняка сформировались бы иные моральные принципы. Да и родственники не считали бы ее безликой серой мышью.

Женя скрылась в своей комнате, рухнула на кровать и вцепилась двумя руками в волосы – жест абсолютного и полного отчаяния. Кажется, она влипла основательно. Самое ужасное, что она не знала, имеют ли отношение ее неприятности к исчезновению двоюродного брата.

Последний раз Яна Ярославского видели в понедельник. Вечером он уехал из офиса, но до дома так и не добрался. Ян занимал должность вице-президента на фирме отца. Однако предположение, что исчезновение сына связано с бизнесом, Ярославский-старший решительно отверг. Как секретарша, Женя в общих чертах тоже владела ситуацией и была совершенно согласна с дядей. Единственное, что могло привлечь внимание милиции, – это готовящееся подписание контракта на поставки оборудования и сырья для дядиной фирмы. За право подписать его боролись два поставщика. Возможно, Ян был похищен кем-нибудь из них? Может

быть, умыкнув Яна, они надеются оказать давление на дядю? Однако никаких угроз до сих пор не поступало. Требований выкупа тоже. Ян как будто испарился. Вместе с ним испарился и его автомобиль, за руль которого он уселся, выйдя из офиса. Женя видела это в окно.

С отцом у Яна сложились весьма близкие отношения. Кроме того, он отличался повышенным чувством ответственности. Поэтому уже во вторник все в доме и на фирме Ярославского были поставлены на уши. По мнению дяди, милиция отнеслась к заявлению об исчезновении его сына возмутительно. Разборки между бизнесменами там не любили. Впрочем, у дяди были некие связи, и теперь официальные лица проявляли повышенную активность. Всех домохозяев допрашивали часами. У Жени на ногах остались глубокие лунки от ногтей – во время допроса она так боялась чем-нибудь выдать себя, что изо всех сил вцепилась в собственные коленки.

Больше всего милицию интересовало, не подслушивала ли Женя разговоры своего шефа. Хотя бы телефонные. Это здорово бы облегчило им задачу. Жене казалось, что она отвечает сдержанно и корректно. И глаза у нее при этом не бегают.

– В последнее время с вами не происходило ничего экстраординарного? – спросил ее следователь со скучающим выражением на лице.

– Нет, – соврала Женя честным голосом. – Ничего.

Кажется, впервые в жизни она врала так откровенно. И кому! Однако мысль о том, что ее тайна станет известна дяде и еще целой куче посторонних мужчин, приводила Женю в ужас. Никогда в жизни она столько не потела. Ее обливало жаром с ног до головы, и в такие моменты она понимала, что вруном можно быть только по призванию.

Случилось это незадолго до исчезновения Яна. После обеда в офис позвонил ее интернатовский приятель Веня Лаптев, чтобы похвалиться созданным накануне убойным вирусом. Хотя изобретение сие не имело никакого прикладного значения, Веня явно тащился от того, насколько изящной получилась у него новая компьютерная зараза. Лаптеву было плевать на то, сколь хорошо разбирается Женя в предмете. Обычно она охотно разделяла его радость и очень внимательно слушала. Впрочем, надо отдать Вене должное, он тоже безропотно вникал во все проблемы Жениной жизни. Правда, проблемы эти до сих пор были пустяковыми.

В дешевом кафе, где была назначена встреча, Женя просидела три с половиной часа. Лаптев так и не пришел – очевидно, наткнулся на новый сайт и слетел с катушек. Ожидая его, Женя выпила несчетное количество чашечек кофе, так что, когда ей предложили еще одну, желудок в знак протеста подпрыгнул до самого горла. Впрочем, когда она подняла голову и увидела, кто предлагает ей угоститься, тут же подпрыгнуло неизбалованное Женино сердце.

Перед ней стоял молодой человек, сошедший с рекламного плаката. Все в нем было приятным и законченным: синие глаза, белые зубы, прямой пробор и спортивная фигура идеальных пропорций. В общем – абсолютная мечта. Ямочка на подбородке как бы подводила итог этой гармонии.

– Можно угостить вас чашечкой кофе? – спросило совершенство.

По паспорту совершенство называлось Иваном Пятушкиным, в миру же носило кличку Позер. Его подельник Игорь Болейко по кличке Пончик никогда не появлялся возле жертвы на первом этапе операции – мордой не вышел. Жертвой, естественно, в тот день была Женя.

Конечно, друзья выбрали ее не просто так. Она представляла для них интерес именно как племянница Георгия Николаевича Ярославского. Надо заметить, что аферисты до сих пор не попались только благодаря объединившей их черте характера – оба были не жадными. Обычно они действовали по одному и тому же сценарию: выбирали из окружения богатенького бизнесмена подростка или беспомощную женщину, компрометировали их, а затем шантажировали. Поскольку суммы для выкупа компромата запрашивались вполне посильные, до сих пор все сходило им с рук.

Компромат на Женю оказалось состряпать проще простого. Позер кое-что подмешал ей в кофе, и Женя выболтала ему, что дядя больше всего на свете ценит моральные принципы и примерное поведение. А она всецело зависит от дяди. Через час ословевшую Женю друзья привезли к себе на квартиру, где она после пары рюмок спиртного изобразила стриптиз, после чего выпала в осадок, оставив на руках предприимчивых друзей видеокассету с записью собственных безумств.

Кассету на следующее утро посыльный доставил прямо в офис фирмы Ярославского и торжественно вручил еще не пришедшей в себя Жене. Когда Ян ушел на обед, она бросилась к видеомagneтофону, затолкала в него «подарочек» и увидела себя голой, выплясывающей жигу на чужой кухне на фоне электрического чайника фирмы «Филипс» и фаянсового сервиза в крупный горох. После часа, который она провела, уставившись в одну точку на стене, Женя наконец очухалась.

Сказавшись больной, она покинула рабочее место и позвонила из автомата по указанному телефону. Пончик разговаривал с ней сочувственно и за оригинал видеозаписи потребовал две тысячи долларов. Возможно, для какой-нибудь другой племянницы бизнесмена ранга Ярославского эта сумма оказалась бы пустяковой. Но Женя, живущая в доме дяди на правах Золушки, пришла в неопиcуемый ужас.

Две тысячи долларов! С таким же успехом шантажисты могли потребовать у нее два миллиона. Она понимала, что у нее нет шансов убедить негодяев в абсурдности выдвинутых требований. Тысяча рублей – это все, чем обладала Женя на сегодняшний день. «Разве они не видят, как я выгляжу? – подумала она. – Или считают, что это мой стиль?»

Впрочем, ее двоюродный брат, в приемной которого она сидела, вероятно, думал именно так. Что простенькая чистенькая одежонка, в которой Женя походила на мальчика, есть ее осознанный выбор. Отбирай братец секретаршу среди десятков претенденток, Женин имидж наверняка отвратил бы его. Но поскольку она попала к нему в приемную исключительно благодаря родственным отношениям, Ян вообще не обращал внимания на ее внешний вид. Женя была для него еще одним предметом обстановки, без которого в офисе просто не обойтись. Работала она старательно, даже усердно, не допускала серьезных ошибок и вела себя тише воды ниже травы.

Позер и Пончик проявили невероятное великодушие, определив ей довольно большой срок, чтобы найти деньги. Но теперь Женя уже считала дни, вместе с которыми из ее жизни утекало относительное благополучие. Придется или выметаться из дома в буквальном смысле слова на улицу, или признаться во всем дяде. Впрочем, узнав о ее позоре, он разгневется и все равно выкинет ее. Уж лучше уйти самой. Так думала Женя, прикидывая, что будет делать, оказавшись без работы и жилья.

И тут пропал Ян. Женя не могла поверить, что подпоившие ее шантажисты имеют отношение к похищению. Однако ее точил червячок сомнения. Кто знает, как связаны эти события? В открытую рассказать о своих неприятностях она все же не решалась, не тот характер. Поэтому она мучилась молча, ожидая самого худшего. И вдруг совершенно неожиданно у нее появился шанс не только заплатить за ужасную кассету со стриптизом, но и вообще начать новую жизнь.

Дело в том, что дядя пообещал награду в двадцать тысяч долларов тому, кто укажет местонахождение его сына. Эту информацию он донес и до домочадцев, собрав в холле всех, кто имел отношение к дому и хозяйству. Говоря о вознаграждении, он почему-то особо пристально смотрел на Ирму Гавриловну. Возможно, дядя был осведомлен о ее гестаповских методах общения с себе подобными и надеялся, что за двадцать тысяч она пытками выколотит из наиболее подозрительных личностей какие-нибудь сведения.

Женя тоже присутствовала при этом объявлении и сделала вывод, что если именно она отыщет Яна, то станет обладательницей огромной суммы. Дядя еще никогда никого не обманывал, по крайней мере, прилюдно.

Сказать по правде, она смутно представляла себе способы, с помощью которых станет вести расследование. И получится ли у нее? Однако, как известно, человек, загнанный в угол, способен горы свернуть. Женя же чувствовала этот самый угол каждой косточкой своего позвоночника.

Для начала, решила она, необходимо осмотреть комнату кузена. Экономка уже рыскала по дому в надежде вынюхать что-нибудь особенное. Наверняка она обшарила апартаменты Яна от пола до потолка. Впрочем, одной хитрости для поиска пропавшего явно недостаточно. Тут нужны еще и мозги. Женя полагала, что у Ирмы Гавриловны они хоть и наличествуют, но в предельно скупом количестве. Она готова была биться об заклад, что Пыгова искала в кабинете Яна вырванные с мясом волосы, капли крови на плинтусе или же пачки денег, спрятанные в тайнике под подоконником.

Милиция, кажется, тоже не утомила себя подробным осмотром комнаты – ведь она не была местом преступления. Поэтому у Жени оставался шанс обнаружить нечто действительно заслуживающее внимания. Если она выйдет на дело ночью, кто-нибудь ее обязательно засечет – ночью любой звук слышен отчетливо. Идеальным моментом заняться обыском был вечер. По вечерам экономка смотрела бразильские сериалы и накручивала скудную растительность у себя на голове на мелкие бигуди. В таком виде она не показывалась на людях. В светлое же время суток курсировала по дому и прилегающим уголкам, словно боевой корабль, охраняющий морские границы родины.

* * *

Телепрограмма сообщала, что вечерний показ одного из наиболее известных сериалов уже начался. Как бы невзначай пройдя мимо комнаты экономки, Женя услышала сладкоголосое пение, сопровождающее титры. Так и есть – путь свободен. Отправляясь на дело, Женя сняла тапочки и осталась в носках, что позволяло ей двигаться почти бесшумно. Она поспешно дошла до конца коридора и нырнула в комнату Яна. К счастью, кроме входной двери, на ключ в доме запиралась только библиотека.

На улице было еще светло, что намного упрощало дело. Не нужен был фонарик или светомаскировка. Войдя в комнату, Женя внимательно огляделась по сторонам, невольно отметив изысканность обстановки. Одна ваза на стеллаже стояла того, чтобы быть выставленной на всеобщее обозрение. Перво-наперво следовало обыскать письменный стол Яна. Усевшись в хозяйское кресло, Женя выдвинула верхний ящик стола и принялась за дело. Она вытаскивала по очереди каждую вещь и внимательно ее разглядывала. Ящиков оказалось восемь, и все были битком набиты всякой всячиной.

«А, собственно, что я ищу? – подумала вспотевшая Женя, заканчивая безрезультатное обследование самого многообещающего предмета обстановки. – Тут нужно думать, а не разгребать руками завалы скрепок и счетов». В детстве любимой Жениной книгой был сборник приключений инспектора Варнике, где по картинкам нужно было разгадать преступление, проявив элементарную внимательность. Нарисованному художником инспектору Варнике это всегда удавалось.

Сложив руки на коленях, Женя перестала суетиться и принялась внимательно осматривать комнату. Конечно, если бы она знала, почему исчез Ян, она могла бы догадаться, где нужно искать, но тогда загадка не была бы такой сложной. Кстати, эта ваза на стеллаже. Она стоит в довольно странном месте – на верхней полке. Конечно, в нее вряд ли наливают воду, чтобы поставить букет. Но, с другой стороны, любоваться ею на такой высоте довольно затрудни-

тельно. Возможно, Ян загнал ее почти под потолок только для того, чтобы случайно не столкнуться на пол? А что, если там тайник?

К счастью, кресло было на колесиках, и Женя без особых проблем подтащила его к стеллажу. Через минуту ваза была уже у нее в руках. Заглянув внутрь, она увидела что-то на дне. Засунув туда руку, Женя извлекла на свет божий моментальный снимок, сделанный «Полароидом». На фотографии был запечатлен Ян Ярославский с разгневанным лицом. Он держал за грудки маленького лохматого человечка, прижимая его спиной к какому-то забору. Было непонятно, где происходит действие драмы. Но Женя не стала особо углубляться в разглядывание снимка, отложив это на потом. Она поспешно поставила вазу на место и слезла на пол. Так, уже кое-что.

Вторая ее находка тоже лежала на стеллаже, причем совершенно открыто. Это была пара видеокассет в пластмассовых коробках с надписью «Прокатный экземпляр». Судя по обложкам, внутри находились два голливудских фильма – боевик и мелодрама. «Вот это интересно», – возбужденно подумала Женя, присоединив кассеты к обнаруженной в вазе фотографии. Дело в том, что Ян никогда в жизни не смотрел фильмы на видео. Как это ни странно, в доме вообще не было видеомэгнитофона. Правда, видеомэгнитофон стоял в офисе у Яна, но и то скорее для проформы. Женя решила, что над этой находкой тоже стоит поломать голову.

Внезапно ей почудилось, что в коридоре кто-то ходит. Замерев от испуга, она прокралась к двери и, приоткрыв ее, высунула нос в щелку. В обозримом пространстве никого не было, зато она увидела, что дверь в ее собственную комнату слегка приоткрыта! Этому могло быть только одно объяснение. Противная Пыгова выбралась из своего логова и начала обходить дом, не забыв заглянуть в Женину спальню. В это время та, как правило, переодевалась после душа, и экономке доставляло особое удовольствие застать Женю полуодетой и насладиться ее нечеловеческим смущением. При этом экономка изо дня в день виртуозно изобретала предлоги для своего внезапного вторжения, так что Жене недоставало храбрости поднять на нее голос.

Честно говоря, у нее вообще мало на что хватало храбрости. В интернате она тоже никогда не воевала за место под солнцем, поэтому ежедневно навлекала на свою голову массу неприятностей. Прижав к груди свои находки, Женя пулей пронеслась по коридору и закрылась в спальне. Экономка сейчас наверняка бродит по первому этажу и пытается понять, куда она подевалась. Женя откинула покрывало и спрятала видеокассеты и фотографию под подушку. Потом быстро привела постель в порядок и сложила руки на коленях. Фу, кажется, обошлось.

Уже наступила ночь, а она все не ложилась спать, пытаясь определить важность находок, сделанных в комнате Яна. Во-первых, фотография. Женя рассмотрела мельчайшие подробности, но не обнаружила ничего, что помогло бы отыскать то место, где она была сделана, или того человека, с которым ссорился Ян. Однако отмахиваться от фото не стоило. Ведь кто-то заснял ссору. И, вероятно, сделал это не просто так. Иначе кузен вряд ли запрятал бы снимок в вазу. Конечно, это не сейф, но все-таки с глаз долой. Что, если те двое шантажистов, которые ждут от нее денег, покушались и на Яна? Возможно, фотография – их рук дело? Ведь неизвестно, из-за чего ссорились кузен и этот маленький человечек с растрепанными волосами. Надо будет подумать, кому показать фотографию. Самое лучшее, конечно, показать ее дяде. Но он запросто может отобрать у нее снимок и отдать Карпенко. А Карпенко его, скорее всего, проигнорирует. Нет, лучше она прибережет его для себя.

Теперь на очереди были видеокассеты, взятые напрокат. Их наличие в комнате кузена просто противоречило здравому смыслу. Конечно, она сейчас может сделать из мухи слона и напридумывать невесть что. Потому что фильмы могли оказаться у Яна совершенно случайно. Например, кто-нибудь оставил их у него в машине или предложил посмотреть, и Ян не стал отказываться и объяснять, что вообще не считает кино развлечением. Или еще того лучше: он познакомился с хорошенькой девушкой, выдающей фильмы напрокат, и не смог удержаться, чтобы не пофлиртовать с ней. Мужчины в этом отношении полные кретины! Однако было бы

все же нелишним выяснить истинное происхождение подозрительных кассет. Жаль, на них нет опознавательных знаков видеопроката.

Закрыв глаза, Женя восстановила в памяти комнату кузена. Все ли она осмотрела внимательно? Кажется, все. Ой, нет, а большая коробка на столе? Она просто про нее забыла. Может быть, именно в этой коробке спрятана путеводная ниточка? То, что Ян хотел скрыть от посторонних глаз? По принципу – на видном месте искать не станут? Ян всегда шутя говорил, что любой сейф можно взломать, поэтому он не хранит в нем ничего стоящего, кроме наличных. Интересно, что, по его мнению, в этой жизни стоящее?

Женя подобрала подол ночной рубашки и выбралась из комнаты в коридор. Там было темно и жутко, никаких отблесков и теней – ни зги не видно. Сколько Женя ни стояла в надежде, что глаза начнут различать очертания предметов, ничего не менялось. Тогда она двинулась вперед, вытянув руки перед собой, чтобы достойно встретить любое препятствие. В конце коридора будто что-то блеснуло. Женя сделала еще несколько неуверенных шагов и поняла, что дверь в комнату Яна распахнута настежь и лунный свет, проникающий через окна, жидкими сероватыми лужами растекается по полу. Достаточно было только обойти дверь, чтобы сразу же прозреть.

Источник тихого постукивания, на которое Женя обратила внимание еще в коридоре, сразу же стал ясен: Ирма Гавриловна, одетая в кружевную пижаму, с маниакальным упорством простукивала стены в комнате Яна при помощи деревянной толкушки, очевидно, припасенной ею с вечера. Женя просто как в воду смотрела!

Пришлось возвращаться назад и выждать, пока азарт экономки сойдет на нет. Только в три ночи Жене удалось завладеть коробкой и распотрошить ее в своей комнате при свете ночника. В ней оказались всего лишь писчие принадлежности – чистая бумага с тисненым узором и две стопки конвертов. Разочарованная Женя прошлась подушечками пальцев по корешкам первой стопки и тут же насторожилась. Один конверт в самом низу был толстеньким – в нем явно что-то лежало. Женя выхватила его из общей кучи и повертела в руках.

Конверт оказался заклеен и надписан рукой Яна: «С огромной благодарностью, И. С.» Внутри прощупывалось содержимое, однако рассмотреть на свет, что оно собой представляет, никак не удавалось. Взять ножницы и просто надрезать конверт Женя так и не решилась. Ей пришла в голову идея подержать его над паром, чтобы потом привести в первоначальный вид и положить на место. Конечно, разумнее было бы дождаться утра, но Женю грызло нетерпение. Наплевав на свои страхи, она вышла из комнаты и опять же на ощупь спустилась на кухню. Здесь пришлось включить верхний свет, потому что тусклых лампочек для ночных гостей никто не развешивал.

Для операции вскрытия чайник не подходил – он был электрическим и выключался сразу же, как только закипал. Поэтому Женя зажгла газ и поставила на него воду в маленькой кастрюльке. Как только заветные белые клубы пара начали витать над посудиною, она услышала зловещий стук шлепанцев, который неумолимо приближался. Едва успев спрятать конверт за спину, Женя оказалась лицом к лицу с экономкой. Игривая пижама висела на Ирме Гавриловне вялыми складками и делала ее похожей на прихворнувшую бабочку. Лицо было вымазано ядовито-зеленым кремом из морских водорослей, от него отвратительно несло мокрыми кошками.

– Что вы здесь делаете, Евгения? – обличающим тоном спросила экономка, не потрудившись понизить голос. Слова прокатились по кухне как грохочущие металлические шары, напугав струхнувшую Женю еще сильнее.

– Я... – промямлила она, – я... проголодалась.

– И что? – ледяным тоном переспросила Гестаповка. – По этому поводу весь дом должен стоять на ушах?

– Я проголодалась так сильно, что не смогла заснуть, – жалобно проговорила Женя.

– А что у вас в руках? Что вы там прячете?

– Это... Это не ваше дело, Ирма Гавриловна.

Отважившись на подобную отповедь, Женя тут же почувствовала, что ее сердце скачет, словно наездник, оседлавший норовистого бычка.

– Зачем вам кастрюля в такое время? – продолжала допрос Гестаповка.

– Кастрюля мне нужна для приготовления пищи, – тихо сказала Женя. – Для чего же еще?

– Мало ли, – фыркнула Пыгова. – Может быть, вы намеревались кипятить в ней шприц, чтобы ввести в свою вену дозу героина. Немедленно покажите, что там у вас за спиной!

Однако Женя при всей своей трусости не собиралась выполнять это требование. Кипящая кастрюлька и конверт в руках мгновенно выдали бы ее истинные намерения. Поэтому она отступила к холодильнику.

Ирма Гавриловна поджала и без того тонкие губы и, подрагивая кружевами, двинулась на Женю. Почувствовав, что ее вот-вот схватят, та прибегла к последнему средству спасения, которое всегда использовала в интернате в критических ситуациях: она крепко зажмурилась и, хорошенько вдохнув, завизжала изо всех сил.

Запаса воздуха в легких хватило минуты на полторы. Женя издавала уже последний писк, когда с порога раздался громовой голос дяди:

– Что, черт возьми, тут происходит?

Дядя был в халате и замшевых тапочках, с растрепанной шевелюрой и гневным лицом.

– Кто кричал? – спросил он.

– Это Ирма Гавриловна, – не моргнув глазом соврала Женя, часто дыша.

– Ирма? – Дядя посмотрел на экономку и, разглядев, в каком она виде, вздрогнул.

Гестаповка открывала и закрывала рот, словно издыхающая на воздухе килька. Кажется, она была потрясена не меньше Ярославского. Поняв, что ничего путного от нее сейчас не добиться, дядя снова повернулся к Жене.

– Что с ней случилось? – спросил он.

– Она кричала от возмущения, – скорбно сказала та. – Понимаешь ли, дядя Георгий, я сегодня здорово понервничала и почти не ужинала. А ночью почувствовала, что мой организм просит пищи. В животе так ужасно бурчало... Я решила спуститься на кухню и сварить себе яйцо. – Женя кивнула на сходящую с ума кастрюльку.

– Ну? – спросил Ярославский, морща лоб в тщетной попытке разобраться что к чему.

– Ну вот, когда я собралась опустить яйцо в кипящую воду, пришла Ирма Гавриловна и, поняв, что я решила поесть в неположенное время, страшно расстроилась.

– Хочешь сказать, она визжала на весь дом только потому, что ты нарушила распорядок?

– По-моему, да. А может, ей жалко было яйца. Как бы то ни было, перед тем как вы пришли, она пыталась вырвать его у меня из рук.

Экономка издала горлом некое рокотание. Вероятно, ее прошиб пот, потому что крем потек по щекам, весело пузырясь.

– Никогда больше, Ирма, не проявляйте такого рвения на работе, – сказал раздосадованный донельзя Ярославский. – И распорядитесь, чтобы на ночь моей племяннице приносили фрукты и кефир.

Он подошел к плите и выключил газ под кастрюлькой.

– Поешь и ложись спать, – сказал он Жене. – Мы все сейчас взвинчены, поэтому будь, пожалуйста, терпимее со служащими, Ирма!

Ярославский указал экономке на дверь, и та прошмыгнула мимо него, так и не сказав ни слова. Втайне Женя надеялась, что та навсегда онемела от возмущения. Перед дядей Пыгова испытывала настоящий трепет, поэтому сегодняшнее ночное представление его племяннице, по всей вероятности, никогда не простит.

Оставшись на кухне в гордом одиночестве, Женя дрожащими руками завершила начатое, привела все в порядок и отправилась к себе. Только здесь ей стало по-настоящему плохо. Открытая схватка с Пыговой была для нее равносильна революционному мятежу. Кое-как успокоившись, она подумала, что теперь, когда экономке приказано приносить ей кефир и фрукты, той не нужно будет придумывать предлога, чтобы врваться в ее комнату в любое время дня и ночи.

Наверное, если бы не начатое расследование, она еще долго перебирала бы в уме подробности происшедшего и тряслась от нервного возбуждения. Однако сейчас у нее нашлось занятие поинтереснее. Конверт был вскрыт и его содержимое вытряхнуто на одеяло. Внутри обнаружилось ни много ни мало пятьсот долларов и записка: «Моей дорогой девочке на чулочки». Столь трогательная фраза была нацарапана на визитке некоего заведения под названием «Канкан». Судя по всему, это ресторан с варьете, поскольку внизу был напечатан телефон и фраза: «Заказ столиков». В левом же верхнем углу визитки красовалось изображение пары пляшущих женских ножек, выглядывающих из-под пены кружев.

Женя задумчиво поскребла ногтем переносицу. «Дорогая девочка» явно была не той длинноносой особой, которая официально числилась невестой Яна. Кроме того, у Яна не было необходимости выделять невесте деньги на чулочки, потому что она являлась дочерью друзей Ярославского, которые считались людьми чертовски состоятельными.

Невесту Яна звали Светой Шмелевой. Это была некрасивая манерная девица, которую родители задумали выдать замуж еще лет десять назад. Однако подходящей партии все не случалось, и тут подсутился старший Ярославский. То ли ему хотелось внуков, то ли этот брак служил каким-то его деловым интересам, но, как бы то ни было, он был запланирован и одобрен обеими сторонами. Женя несколько раз видела эту самую Свету Шмелеву, поэтому ничуть не удивилась наличию у Яна «его дорогой девочки».

Пожалуй, стоит эту девочку отыскать. Поглядеть на нее и поговорить по душам. У Жени была одна особенность, которую она до сих пор еще не оценила по достоинству, – распознавать ложь с самых первых слов. Если девица, с которой путался Ян, что-нибудь знает, Женя наверняка об этом догадается. Однако в этом деле возникало сразу две проблемы. Чтобы разыскать неведомую «дорогую девочку», надо было пойти в «Канкан» и порасспрашивать людей. Попасть внутрь можно только в качестве посетительницы. А для этого нужны деньги. Скопленной Женей тысячи рублей, пожалуй, может и не хватить на вечер в ресторане. Вдруг там не подают только кофе?

Жене, естественно, пришла в голову мысль позаимствовать те самые деньги, которые она нашла в конверте. Ведь если Ян жив и находится в плену, прикованный наручниками к батарее, каждую минуту ожидая смерти, он наверняка будет не против того, чтобы двоюродная сестра потратила немного денег для его освобождения. С другой стороны, взяв эти деньги, Женя лишалась повода поговорить с «дорогой девочкой». Что она ей скажет, явившись из ниоткуда с пустыми руками? Конверт с деньгами был бы отличным предлогом завязать знакомство. Записка же без денег теряла всякий смысл.

После недолгих колебаний Женя решила пойти на компромисс – взять триста долларов на расследование, а двести оставить в конверте. Пусть лучше девочка купит чулочки подешевле и посчитает, что на этот раз Ян проявил скупость. Зато у кузена появится шанс остаться в живых.

Женя искренне верила в то, что ее миссия может привести к успеху. Ян найдется, и тогда она все ему объяснит. Он к ней всегда был добр, хотя и страшно невнимателен. Он безоговорочно давал ей то, что она просила. Впрочем, просила она ничтожно мало. Именно в этом, вероятно, и крылась причина ее плачевного материального положения. Другая бы на ее месте...

Женя положила триста долларов в свой кошелек, стараясь не думать о том, что ее поступок смахивает на воровство. Узнай об этом Пыгова, она бы подняла шум до небес. Итак, вопрос

номер два. Надо позвонить в «Канкан», чем бы он ни был, и заказать там столик. Вопрос номер три – с кем туда идти – имел только один ответ. В запасе у Жени был лишь Веня Лаптев. Она искренне надеялась, что единственный друг согласится освободить для нее вечер и не проדיنامит, как это время от времени случалось ввиду его невероятной рассеянности.

После бессонной ночи Женя лишь мельком погляделась в зеркало. Она и всегда-то выглядела не блестяще, а уж теперь ее вообще можно было фотографировать для журнала «Здоровье» в качестве иллюстрации, которая должна устрашать алкоголиков и наркоманов. Недосып, как и бурные слезы, сказывался на ее внешности катастрофически.

– Ты ужасно выглядишь, – заметил Ярославский за завтраком. – Можешь пока не приходить в офис, – разрешил он. – Без Яна тебе там просто нечего делать. Телефон у него с автоответчиком, так что займись пока своими делами.

Неделю назад у нее просто не нашлось бы никаких своих дел. Но времена изменились. Поэтому Женя дипломатично промолчала. Ей было жаль дядю и кузена, который, ясно как дважды два, попал в переделку. Женя очень надеялась, что Ян жив и его удастся вернуть домой. Причем не исключено, что с ее помощью. Другим обитателям дома и людям из дядино окружения ситуация виделась по-другому. Они считали, что исчезновение вице-президента фирмы Ярославского, безусловно, связано с делами, с деньгами, с криминалом и ничем хорошим закончиться не может. Даже сам дядя, кажется, втайне считал, что Яна убили.

* * *

Ирма Гавриловна, сервировавшая стол к завтраку, была бледна и необычайно молчалива. Женя надеялась, что она не начинила ядом ее порцию омлета, чтобы расквитаться за ночное происшествие. Экономка никогда не появлялась перед дядей без прически и макияжа. Возможно, она даже была безответно влюблена в своего хозяина. А тут такой пассаж!

После завтрака Женя застряла в холле, надеясь без свидетелей позвонить Лаптеву. Телефон величественно стоял на высоком мраморном столике. Он крайне редко подавал признаки жизни, потому что дядя и Ян пользовались мобильной связью, Жене вообще никто никогда не звонил, а обслуге не разрешала дотрагиваться до аппарата, ясное дело, Ирма Гавриловна.

Едва только Женя набрала номер и сказала «Алло!», как экономка, словно злобный призрак, возникла в проеме двери. Держа в руках поднос с грязной посудой, она медленно двинулась в сторону кухни, глядя прямо перед собой. Когда на том конце провода ответили, Женя промямлила:

– Лаптева позовите, пожалуйста!

Веня как назло тут же подошел к телефону. Экономка была еще только на середине пути, поэтому Женя нейтральным голосом сказала:

– Привет, как твои дела?

– У меня аврал, – мрачно отозвался тот. – Если что случилось, выкладывай сразу и без проволочек.

– Мне нужно с тобой поговорить с глазу на глаз.

– Ага, – ответил Веня и замолчал. Вероятно, в голове у него выстраивались какие-нибудь колонки цифр, а Женя мешала процессу.

Ирма Гавриловна между тем занесла поднос на кухню и отправилась в обратный путь через холл.

– Можно я к тебе приеду в обеденный перерыв? – спросила Женя, отворачиваясь к стене.

– Можно. А когда у меня обеденный перерыв? – совершенно серьезно спросил Веня.

– В час дня.

– Хорошо, я буду ждать тебя у нашего здания. Только приходи, раз уж договорились. А то получится, как в прошлый раз.

Положив трубку, Женя задумалась над последней фразой Лаптева. Что бы это могло значить: как в прошлый раз? В прошлый раз он не пришел на запланированную встречу, а на Женю напали шантажисты. Возможно, Веня перепутал место встречи и ждал ее в читальном зале или на улице? Зная его характер, можно было предположить, что он торчал там до глубокой ночи.

Вздохнув, Женя отправилась в свою комнату переодеваться. Открыв шкаф, она уныло посмотрела на три вешалки, занятые одеждой. Если случится идти в «Канкан», то надеть будет решительно нечего. Придется играть роль экстравагантной девицы, которой все нипочем. Ладно, не в первый раз она будет переживать чувство жестокого унижения.

Из громадного зеркала в роскошной раме, которое дядя полагал весьма уместным в женской спальне, на Женю смотрело невысокое тощее существо, имевшее мужество быть ее отражением. Надо же, ни одной яркой детали! Все черты лица не то чтобы некрасивые, но какие-то невыразительные, волосы цвета дорожной пыли, и даже глаза не просто серые, а какие-то грязные, в желтую крапинку. И никаких форм. Просто тощее тело с обозначенной для проформы грудью и жалко выпирающими ключицами. Даже друг Веня, кажется, никогда не задумывался о том, что она принадлежит к противоположному полу.

Нет, положительно, если дядя выгонит ее из дому, она в конце концов окажется на помойке. Другие девушки ее возраста наверняка стали бы рассчитывать на замужество, но это был явно не Женин вариант. Мужчины любят ярко окрашенных женщин. Мир вокруг них так и пестрит великолепными бабочками, среди которых Женя – не что иное, как невзрачная моль.

* * *

Веня Лаптев стоял прямо посреди тротуара, словно столб, вкопанный в землю. Поток пешеходов обтекал его со всех сторон, на что он не обращал ровно никакого внимания. У Вени было умное лицо с великолепно вылепленным лбом и вечно прищуренными глазами, в которых застыло потустороннее выражение. Соломенного цвета волосы крупно вились, и, поскольку хозяин никогда за ними особо не следил, вихры торчали в разные стороны. В целом вид у него был творческий и даже одухотворенный.

– Привет, – сказал Лаптев, посмотрев сквозь Женю. – Я понял, что тебе зачем-то нужен. Говори, я весь внимание.

– Но не здесь же! – Женя потянула его за локоть в сторону ряда лип, под которыми стояли скамейки. – Давай присядем, это не просто какое-то там ерундовое дело, это вопрос жизни и смерти.

Веня мгновенно возвратился из космического пространства на землю и весьма внимательно поглядел на Женю:

– С тобой что-то случилось?

Та до сих пор не рассказала ему про шантажистов и поклялась себе, что сделает это только в крайнем случае. Потому что была на сто процентов убеждена, что после ее рассказа Веня тут же потащит ее в милицию и заставит написать заявление. Тогда обо всем узнает дядя. И в придачу ко всему кто-нибудь из милиционеров обязательно увидит пленку, на которой она пляшет абсолютно голая. Женю заставят сдать в милицию копию, которую ей вручили шантажисты.

– Моего кузена похитили, – выпалила она то, что для Лаптева пока еще было новостью.

– Кто? – коротко спросил тот.

– Неизвестно! Вернее, мой кузен исчез. Это я думаю, что его похитили.

– Сочувствую тебе, Женька. Наверное, у вас дома творится что-то невообразимое.

– Мне надо его найти, Веня.

– Тебе? Ты что, с ума сошла? Тоже мне Нат Пинкертон. Оставь розыск знающим людям. Я убежден, что только профессионалы способны добиваться результатов.

– Но для меня это важно!

– Еще бы. Я знаю, как ты относишься к своим родственникам.

– У меня есть и меркантильный интерес, – призналась Женя. – Если я отыщу Яна, то получу большое вознаграждение и смогу жить самостоятельно! Я смогу завести собственную квартиру, пойти учиться в институт – хотя бы на заочное отделение...

Веня Лаптев приподнял правую бровь, показывая, что изумлен:

– Впервые слышу, что ты хочешь уйти от дяди. До сих пор ты никогда ничего такого не говорила.

– Веня, ты должен мне помочь, – не обращая внимания на его последнее замечание, сказала Женя.

Тот недолго колебался. Вернее, он вообще не колебался, а просто спросил:

– И что я должен делать?

– Так ты согласен? – обрадовалась Женя.

– Если я тебе нужен, можешь мной пользоваться. Конечно, в нерабочее время. Ты же знаешь, у меня на фирме драконовские порядки.

Женя схватила его за руку, не сумев скрыть своего возбуждения:

– Сегодня ты должен заказать столик в ресторане «Канкан». На двоих. А вечером мы пойдем туда и будем показывать всем фотографию Яна. Насчет денег можешь не волноваться, деньги у меня есть.

– Как ни странно, у меня тоже есть, – сказал Веня и добавил: – И я не против сходить с тобой в ресторан.

– Веня, при чем здесь твои деньги и «не против»? Это будет деловой поход. Я начала вести расследование. Ты меня хорошо слушал?

– А что, кроме тебя, некому вести расследование? – недовольно начал Лаптев и тут же спохватился: – Ах да, вознаграждение! Послушай, но ведь у твоего дяди на фирме есть собственная служба безопасности! И он наверняка обратился в милицию. Обратился?

– Обратился, конечно. И служба безопасности рвет носом землю.

– Так в чем же дело?

– Они будут искать совершенно не там, где надо! – горячо возразила Женя. – У них в голове только пистолеты, сделки, стрелки, наличные, подставы и так далее.

– А у тебя?

– Я думаю, – понизив голос, ответила она, – что Ян пропал по какой-нибудь совершенно невероятной причине. Возможно, выезжая из офиса, он надел темные очки и его приняли за шпиона.

– Не выдумывай глупостей.

– Или он спутался с какой-нибудь неподходящей танцовщицей варьете...

– Поэтому мы сегодня заказываем столик в ресторане «Канкан»? – проявил проницательность Веня.

– Ну да!

– Вижу, у тебя уже есть версия.

– Даже две версии. Нет, что это я? Три! Визитка «Канкана» – раз, видеокассеты – два и моментальный снимок – три.

Женя принялась весьма эмоционально рассказывать Веня Лаптеву о своих находках. Он отнесся к ним без должного интереса, но отказываться от похода в ресторан не стал.

– А ты в курсе, где находится этот «Канкан»? – спросил он.

– Нет, конечно.

– Ладно, я погляжу в Интернете, так что не дрейфь. Кстати, когда и как мы встретимся?

– Деньги у меня с собой. И я буду ждать тебя прямо здесь, – сказала Женя, похлопав по лавке ладонью. – Не хочу возвращаться домой, далеко.

– А говорила, двадцать минут езды от офиса! – попенял ей Веня.

– Так это на машине!

– Двоюродный брат был таким милым, что возил тебя на работу и обратно?

– Не возил, – печально ответила Женя. – Меня и следовательно об этом спрашивал. И, кажется, не поверил, когда я сказала, что ездила с Яном всего один раз, самый первый.

– Ага! Братец ехал в офис, а тебя оставлял дома, так, что ли?

– Ну да.

– И ни разу не предложил подвезти до собственной приемной?

– Мне кажется, это просто не приходило ему в голову.

– А ты, конечно, не просила.

– Да зачем я стала бы навязываться?

Веня крякнул и сказал:

– Ну, Женька, ты и экспонат. У тебя столько комплексов, что их с лихвой хватит на какой-нибудь неврологический центр. Ладно, жди меня на лавке. Как что-нибудь выясню, выскочу, поделюсь информацией. Да, кстати, а платье?

– Что платье?

– Есть у тебя платье для ресторана?

Женя потупила глаза и отрицательно покачала головой из стороны в сторону. Ее прямые волосы занавесочкой упали на глаза. Лаптев не нашелся что сказать, только пожал плечами.

Когда он ушел, Женя достала из кармана рубашки фотографию Яна Ярославского и стала внимательно ее разглядывать, чтобы как следует сформулировать приметы, если подвернется случай. Тридцать лет, рост средний, блондин с карими глазами. Субтильный, немного женственный и в целом очень красивый. Волосы пострижены шапочкой и лежат на воротничке рубашки. Густая челка зачесана набок и прикрывает бровь. Общителен, обаятелен, охотно улыбается собеседникам. Но в проявлении истинных чувств сдержан.

Был одет в бежевый костюм и голубую рубашку с расстегнутой верхней пуговкой, светлые замшевые туфли и носки того же оттенка без рисунка. Ни перстней, ни татуировок. Конечно, Женя многое знала о кузене – его привычках, реакциях, пристрастиях и надеялась, что это знание в дальнейшем окажется полезным.

* * *

Как ни странно, в «Канкане» не было никакого варьете. Заведение представляло собой сумрачное место в полуподвале одного из старых жилых домов, где царил раздражающий полумрак. Единственное, что могло усладить взор посетителя – огромное абстрактное полотно, занимавшее целую стену.

Женя, по-прежнему одетая в штаны и рубашку мужского покроя, а также в массивные башмаки, втайне порадовалась тому, что ее не станут разглядывать при ярком свете.

– Ну? – спросил Лаптев, когда их усадили за столик и подали меню. – Кого ты собираешься тут расспрашивать?

– Ты слишком разогнался, – ответила она. – Дай сделать пару вдохов.

Женя украдкой огляделась по сторонам. В центре зала находилась пока еще пустовавшая площадка для музыкантов, а в дальнем конце перед стойкой скучал бармен с нагловатой физиономией.

– Не знаю, может быть, его? – показала она подбородком на бармена.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Тогда кого же? – растерянно спросила Женя.

– Ладно, поживем – увидим, – милостиво ответил Лаптев. – Давай сначала поедим. Кстати, я никогда не видел тебя в платье.

– Я не ношу платья только потому, что у меня нет ног, – мрачно ответила Женя, не поднимая глаз от меню.

– А по-моему, только потому, что у тебя нет платья. – Веня, когда его надолго отрывали от компьютера, начинал проявлять невероятную проницательность. – Я сегодня много думал о тебе и пришел к выводу, что твои отношения с родственниками имеют ряд погрешностей.

– Мне достаточно того, что у меня вообще есть родственники.

– Чувство благодарности не должно влиять на инстинкт самосохранения.

– Но я ведь не голодаю!

Веня скривил рот, но ничего больше говорить не стал. Вместо этого он начал обсуждать блюда, которые собирался заказать.

– Отвлекись на некоторое время, – велел он Жене. – Поужинаем, потом подумаем, как разжиться информацией. Не люблю принимать решения на голодный желудок, они получаются слишком агрессивными. Да, забыл спросить: у тебя есть фотография кузена?

– Есть, – Женя похлопала по нагрудному карману.

Веня на некоторое время прекратил жевать, после чего заметил:

– У тебя не только платья, но и сумочки нет.

Женя открыла и закрыла рот, потому что просто не нашлась что ответить. Сумочки у нее действительно не было. Сумочка совершенно не подходила к тому стилю, которому она от безденежья была вынуждена следовать.

– У тебя атрофировались женские инстинкты, – продолжил свою мысль Веня.

– А ты, конечно, большой знаток женщин! – обиженно ответила она. – Интим, точка, ру.

– Сейчас речь не обо мне.

– Послушай, Веня, не время обсуждать мой внешний вид и мои взаимоотношения с дядей. Давай сначала попытаемся отыскать Яна. Ты еще не придумал, кого порасспрашивать?

– Еще нет, но придумаю.

В центре зала тем временем появились музыканты. Зазвучала громкая музыка, и солистка запела простеньким голоском нечто незатейливое, но приятное уху. Посетители резво зааплодировали. Обернувшись, Женя поняла, что аплодируют скорее внешности певицы, чем ее вокальным данным. Девушка была достаточно длинноногой и пышногрудой для того, чтобы понравиться большинству присутствующих. Волосы, ясное дело, у нее были длинными и светлыми.

– Вот, – сказал Лаптев противным нравоучительным тоном и взмахнул вилкой, – идеал, к которому должна стремиться каждая женщина.

– Разумеется, – покладисто кивнула Женя. – Это верх совершенства.

Она даже не иронизировала. Ее собственный внешний вид не оставлял права на иронию. Лаптев тем временем вошел в раж и принялся детально обсуждать достоинства певицы. Чтобы избавиться себя от его дурацкой лекции, Женя встала и направилась к стойке бара.

На высоких табуретах сидели несколько мужчин, которые то и дело прикладывались к спиртному. Женя тоже взобралась на табурет и краем глаза стала рассматривать своего соседа слева – неряшливого брюнета с роковой внешностью и двухдневной щетиной. Судя по тихим стонам, которые он издавал, делая очередной глоток, его мучило похмелье.

– Тебе чего, парень, пива? – спросил бармен, смахивая со стойки символическую пылинку накрахмаленной салфеткой.

Женя моргнула и кивнула головой. Отлично. Ее ставки как девушки на выданье с каждым днем понижаются.

– Чего смотришь? – спросил между тем брюнет, заметив ее интерес к себе, и вперил в Женю покрасневшие глаза.

Вид у него тем не менее не был враждебным. Поэтому она рискнула начать свою игру. Клиент, что называется, сам шел в руки. Женя как можно равнодушнее пожала плечами и ответила:

– Просто пытаюсь понять – вы здесь завсегдатай?

– А ты чего, – хохотнул тот, – ищешь компанию?

– Да нет, у меня вот старший брат куда-то подевался, – слегка понизив голос, сообщила Женя. – Наверное, загулял по-черному, а его все ищут. Я с другом его тоже теперь ищу. Мне уже надоело сидеть на телефоне вместо автоответчика. Он любитель шататься по барам. Говорят, здесь бывает постоянно.

– А что за брат? – благодушно спросил брюнет.

– Блондин такой... – Женя помахала руками в воздухе. – Симпатичный.

– Ну дружок, ты и мастер живописать портреты! – усмехнулся тот. – Блондин! Тоже мне примета.

– У меня фотография есть, – оживилась Женя.

С ловкостью фокусника она достала из кармана фотографию кузена и протянула своему собеседнику.

Тот взял ее двумя пальцами за самый кончик и, отставив далеко от глаз, прищурился.

– Ба, да это ж Ян! – почти тут же воскликнул он. – Твой брат, значит? Он ради Ирки сюда ходит, если ты не в курсе. Вот и ищи его у нее. Может, он сейчас отсыпается на ее концертных костюмах!

Брюнет показал подбородком на певицу, которая в настоящее время исполняла медленную композицию и старательно общептывала микрофон пухлыми губами.

– Ирка? – невольно переспросила Женя.

– Ну да. Ирка Скобкина. А объявляют ее роскошно – Селеста.

– Спасибо, – сказала Женя, поспешно сползая с табурета. – Я с ней поговорю.

– Только смотри, пацан, не потеряй голову. Это такая горяченькая штучка! Будешь с ней кокетничать – братец тебе накостыляет, это уж как пить дать!

Завсегдатай захохотал и сделал полный оборот на табурете, снова вернувшись к своей выпивке.

Веня Лаптев, как это ни прискорбно было видеть Жене, находился в абсолютном улете. Он глазел на Ирку Скобкину и пускал символические слюни. «Тьфу, – подумала Женя. – Как все это удручает! Абсолютно ясно, что мне никогда не завоевать сердца ни одного мужчины. По всей видимости, мужское сердце имеет прямую связь с глазами».

Женя толкнула Лаптева под локоть и сообщила:

– Мне надо попасть в ее гримуборную.

– В чью? – не отрывая глаз от предмета своего вожделения, спросил тот.

– Селесты.

Лаптев повернулся и с интересом посмотрел на Женю:

– Ты имеешь в виду эту девушку?

– Вот именно. Может быть, я тебя расстрою, но именно ее мой кузен назвал в записке своей дорогой девочкой.

– Было бы странно, если бы такая женщина не имела поклонников, – важно заявил Веня. – Я пойду с тобой.

– Нет уж, давай не будем рисковать. Боюсь, что если мы отправимся туда вдвоем, кому-нибудь из нас начистят морду. И думаю, что не мне.

Веня потер кончик носа указательным пальцем и кивнул:

– Вероятно, ты права. Женщину к женщине, пожалуй, пропустят. А у музыкантов как раз перерыв.

– Меня тут приняли за мальчика, – проинформировала его Женя. – Так что в случае чего – ты мой старший приятель. Не против?

– Но мы и в самом деле приятели! – удивился Веня. – Могла бы и не предупреждать. А! Тебя приняли за мальчика! Понял. Хотя это странно, – добавил тот неуверенно.

Женя хмыкнула и быстрым шагом отправилась к музыкантам, которые оставляли свои инструменты на стульях. Селеста, она же Ирка Скобкина, раскованным широким шагом уже двигалась в направлении двери, ведущей в служебные помещения. Когда Жене приходилось общаться с подобными женщинами, в ее голосе появлялись ненавистные ей самой заискивающие интонации.

– Простите, вы ведь Ира Скобкина? – спросила она, бухая своими башмаками рядом с изящными золочеными босоножками певицы.

– Да, это я. – Та приостановилась и удивленно взглянула на Женю.

– У меня для вас записка. От Яна.

Скобкина широко улыбнулась и сказала:

– От Яна? Так давай ее сюда!

– А мне можно с вами поговорить? – спросила Женя, стараясь изо всех сил, чтобы просьба прозвучала не слишком жалко.

– Конечно, – кивнула Скобкина. – Пойдем ко мне, так сказать, за кулисы. А что это Ян девиц посыльными нанимает? – спросила она по дороге. В ее голосе не было ни обиды, ни подозрения, один только живой практический интерес.

Женя почему-то страшно обрадовалась, что певица не приняла ее за подростка и помимо воли прониклась к ней теплыми чувствами.

– Я его сестра.

– Да ты что? – удивилась Скобкина и даже сбилась с шага. – Совсем не похожа.

– Двоюродная, – пришлось добавить Жене. – Но мы проживаем в одном доме. Я сирота, и дядя взял меня к себе из интерната.

Женя совершенно не могла понять, почему она выложила все это в один присест человеку, к которому явилась задавать вопросы.

– Ян просто черствый сухарь, раз позволяет своей сестре ходить в таких ужасных ботинках, – заявила Скобкина, включая свет в крохотной комнатке с зеркалом во всю стену. – Заходи. И не убеждай меня, что ты носишь их потому, что они удобные. Садись на стул и давай записку.

Женя достала свернутый вдвое конверт, который иначе не поместился бы в кармане, и протянула Скобкиной. При этом она мучительно покраснела, вспомнив о том, что умыкнула оттуда целых триста долларов.

Прочитав послание, Скобкина фыркнула и весело сказала:

– Ну не дурачок?

Заявление это могло означать что угодно. Поэтому Женя спросила, хотя вопрос прозвучал излишне прямолинейно:

– А у вас с моим братом что, интрижка?

Скобкина делано безразлично посмотрела на свои ядовито-красные ногти и ответила:

– У него со мной да, интрижка. А я... Ну, я отношусь к нему более серьезно. И учти: говорю это тебе только потому, что ты его сестра. Обычно я не болтаю с посторонними. Тем более на личные темы. Слушай, ты такая хорошенькая, – без перехода сказала она. – Это просто злодейство – носить такие ботинки.

– Дались вам эти ботинки! – беззлобно ответила Женя, не обратив внимания на комплимент, поскольку просто не могла принять его всерьез. Она – хорошенькая! Слышал ли кто-нибудь когда-нибудь такую глупость?

– Давай переходи на «ты», – предложила Скобкина. – Сказать по правде, мне так нравится твой брат, что я готова полюбить каждого его родственника. Вот и ты мне понравилась просто помимо воли. Какой у тебя размер обуви?

– Тридцать седьмой, – сказала Женя.

Ее совершенно не вдохновляла идея сообщать Скобкиной об исчезновении Яна. Судя по всему, та втрескалась в кузена по полной программе. Но делать было нечего. Женя могла бы заложить голову, что Скобкина не замешана в историю с его внезапным исчезновением. Тем печальнее была ее миссия.

– В общем-то эту записку я нашла в комнате Яна, – осторожно начала она.

– Да? – удивилась Скобкина. – То есть он не просил тебя ее мне передать?

– Не просил. Да он и не мог попросить.

Среагировав на скорбный Женин голос, Скобкина внезапно выпрямилась и сильно побледнела:

– Его что, убили? – спросила она, схватившись одной рукой за горло.

Женя едва не подпрыгнула на своем стуле. Выходит, она ошиблась! Вероятно, Яну кто-то угрожал и сидящая напротив девушка в курсе дела. Недаром же она мгновенно просекла ситуацию.

– Нет, его не убили, – покачала она головой. – То есть никто не знает – убили или не убили. Просто Ян пропал. Исчез. Его милиция ищет.

– Пропал? Боже мой, когда?

– В понедельник. Весь день был на работе, а вечером не вернулся домой. Кстати, а ты сама когда его в последний раз видела? – Жене пришлось пересилить себя, чтобы последовать предложению Скобкиной и перестать «выкать».

– В воскресенье. – Та изо всех сил старалась взять себя в руки, но это ей плохо удавалось. – Ничего, если я покурю? Ты не хочешь?

Женя отрицательно покачала головой – любимый жест, который постоянно напоминал ей о том, какие у нее прискорбно жидкие волосы. При этом жесте они летали у нее перед глазами, практически не заслоняя вид.

– В воскресенье Ян провел здесь весь вечер. В этом кабаке, я имею в виду. Сидел за столиком, пока я работала. Один. Потом мы поехали ко мне, ну и, короче, он возвратился поздно. Да ты, наверное, знаешь, раз вы живете в одном доме.

– Мы живем в одном доме, но я за ним не слежу, – торопливо объяснила Женя.

– Ах да, я и забыла, какой большой ваш дом.

– А Ян ничем таким с тобой не делился? – спросила Женя. – Может, ему кто-то угрожал или еще что? Письма там анонимные, телефонные звонки?

– Да нет, – пожала плечами Скобкина. – В воскресенье Ян был таким, как всегда. И весь последний месяц тоже. Будь у него что на душе, я бы почувствовала. Может, ты и не веришь, но я действительно влюблена в твоего брата.

– Но если Ян был таким, как всегда, почему же ты тогда сразу подумала, что его убили? – не стерпела и поинтересовалась Женя.

– Ничего странного. Я всегда боялась за него. Он все-таки вице-президент фирмы. Большой человек. А бизнес сейчас знаешь какая штука.

– Но зато он приносит деньги, – безразлично заметила Женя. – Без денег сейчас никуда.

– Это точно. – Скобкина в последний раз затянулась и несколько раз прокрутила окурков в баночке из-под крема. – Я вот здесь под музыку вращаю задницей уже несколько месяцев. Думаешь, я не знаю, что у меня голоса нет?

Женя кинула на нее вопросительный взгляд.

– А! – с горечью махнула та рукой, показывая, что даже не хочет пускаться в длинные объяснения. – А раньше Ян никогда не уезжал надолго, никого не предупредив? – снова вернулась она к животрепещущей теме.

– Никогда. Дядя уверен, что с ним что-то случилось. По правде сказать, у него самые дурные предчувствия.

– Боже мой, а вот я ничего не чувствую! – с горечью и изумлением сказала Скобкина, склонив голову к плечу, как будто бы прислушивалась к своему неотзывчивому сердцу.

– Это хорошо, – поспешила заверить ее Женя. – Это значит, что Ян жив и у меня есть шансы его спасти.

– У тебя? – удивилась Скобкина.

– Дядя пообещал вознаграждение... – проямлила Женя, покраснев.

– Так ты сидишь без гроша! – воскликнула та. – Вот почему у тебя такая ужасная обувь! Судя по всему, у дяди ты ничего не просишь. Ну, понимаю, гордость.

Женя кивнула, а Скобкина покачала головой:

– И далась она тебе, эта гордость? Ну, чего тебе с нее? Ты давно живешь у дяди?

– Давно, – пробормотала Женя. – Он взял меня к себе, когда я закончила школу.

– Ну... душечка, – протянула Скобкина. – Это просто безумие какое-то. Живи я с богатым дядей... Впрочем, я тебя понимаю. В целом, – прервала она сама себя. – Однако я бы попросила у него нормальную одежду. И деньги на парикмахерскую.

– Я... вот... тут... – проямлила Женя, испытывая непонятное доверие к Скобкиной.

Она достала из кармашка триста долларов и протянула ей. Собралась с духом и сказала:

– На самом деле Ян передал тебе пятьсот долларов, а не двести. Просто мне нужны деньги на расследование, а взять было негде. И я позаимствовала. Своровала, в общем.

– Боже мой! Бери этот конверт и распоряжайся! – велела та, вкладывая его в руки Жени. – Ян просто хотел пошутить. Он, конечно, время от времени делал мне подарки, но деньги в конвертике, как девушке легкого поведения, никогда не предлагал. Я убеждена, что это был своего рода прикол, понимаешь? Так что бери и не комплексуй. Я на эти деньги не рассчитывала.

– Но это не мои деньги! – возразила Женя.

– Ты что, не хочешь найти Яна? – возмутилась Скобкина. – Как ты сделаешь это с пустыми руками? Разве можно вести расследование, если не на что купить конверт и авто-ручку?

Женя вяло согласилась. «Да уж, – уныло подумала она. – Следовательно из меня никакой. Первый же свидетель – и полное поражение сыщика».

– Слушай, не уходи, а? – попросила между тем Ира. – Я еще сорок минут пою, а потом сматываюсь. Дождись меня, мы что-нибудь сделаем с твоими волосами. И заодно вместе подумаем, где искать Яна.

– Я... – мяукнула Женя. – Дядя обещал...

– Ах да, вознаграждение! – вспомнила Скобкина. – Мне его не надо. Я хочу Яна обратно, понимаешь? Так ты дождешься меня?

– Но я не одна, – выдавила из себя Женя. И это было уже почти согласие.

– О, сопровождающий! Интересно посмотреть, кто не постеснялся твоих ботинок?

– Веня Лаптев, – тут же ответила Женя. – Интернатовский друг. Он, кстати, уже пал жертвой твоей красоты.

– Ладно, я ему подмигну во время выступления. Или для него это слишком?

Женя против воли хихикнула. Они вместе со Скобкиной вышли в зал, и каждая направилась к своему месту. Ира – к эстраде, а Женя к столику, где ее, сгорая от нетерпения, ожидал Веня Лаптев.

– Ну что? – с неподдельным любопытством спросил он. – Разговор состоялся?

– Состоялся. Представь себе, что Ира – любимая девушка моего кузена.

- Пардон, пардон, – наморщил лоб Веня. – У твоего кузена разве нет невесты?
- Есть, – кивнула Женя. – Но та – невеста по требованию дяди и общественного положения. А это – дама сердца.
- С дамами сердца у рыцарей были платонические отношения, – заявил начитанный Лаптев.
- Мне кажется, она его любит. Она очень хорошая.
- Поздравляю, – сказал Лаптев ехидно. – Ты ей все рассказала.
- С чего ты взял?
- Душа моя, в тебе есть одна удивительная черта. К тому человеку, которого ты считаешь хорошим, ты начинаешь испытывать поистине собачью преданность.
- Женя вздохнула:
- Вот я тебя тоже считаю хорошим, разве я веду себя как собака?
- Я не в счет. Нас связывают детские воспоминания. А это нечто особенное.
- Ира отдала мне все деньги, – внезапно сообщила Женя.
- Молодец. Я сразу понял, что она – высший класс.
- Лаптев развернул свой стул, чтобы ничто не мешало ему созерцать предмет своего восхищения.
- Она просила меня ее дожждаться.
- Вас не надо проводить? – весело спросил Веня. – А то я бы не против.
- На чужой каравай... – сказала Женя, но тут у ее приятеля резко изменилось выражение лица. Вероятно, Скобкина подмигнула ему.
- Она обещала что-нибудь сделать с моими волосами, – зачем-то сказала Женя, допивая остывший кофе.
- М-гм, – пробормотал Лаптев.
- Это ничего, что ты поедешь домой один?
- Разве я девушка и меня нужно провожать?
- Но ты не обидишься?
- Женька, прекрати немедленно. Главное, сама не вляпайся в какую-нибудь историю. Кстати, можешь намекнуть своей Ире, что я знаю, с кем тебя оставил.
- Сначала ты облизываешь ее глазами, как шоколадку, – возмутилась Женя, – а потом даешь понять, что в чем-то подозреваешь! Это отвратительно!
- Да? – безразлично спросил Веня.
- Да! Мужчины вообще... – задыхнулась Женя. – Сами тащатся от женщины, а потом говорят, что она такая-растакая, а они любят тех, что поскромнее.
- Я должен воспринимать твои слова как нагоняй?
- Женя тут же смутилась и уже не знала, куда деть свои руки.

* * *

Точно так же она не знала, куда их деть, придя в гримерную Скобкиной и усевшись на стуле в углу.

– Фу, наконец-то, – сказала Ира, закручивая длинные волосы в узел и защелкивая их на макушке заколкой. – Сейчас смою с лица боевую раскраску.

Без макияжа она выглядела моложе и проще. Женя пожирала глазами ее платье, в конце концов не удержалась и осторожно потрогала ткань.

– Хочешь померить? – предложила Ира, переодеваясь.

– На мне оно будет висеть. У меня ни там, ни тут ничего нет, – привычно, без сожаления, констатировала Женя, показывая, где на ее теле отсутствуют необходимые выпуклости.

– Да, ты права, тебе нужен совсем другой фасон. Вот найдем Яна, я заставлю его о тебе позаботиться.

– Так ты думаешь, что исчезновение моего брата связано с его работой?

– Я не знаю, что и думать, – сказала Ира. – Ты ведь его секретарша. Если говоришь – бизнес вряд ли виноват, значит, так и есть. Но если не бизнес, тогда что?

– Личная жизнь, – тут же ответила Женя.

Ира хмуро взглянула на свое отражение в зеркале и заметила:

– Что ты думаешь о его невесте?

– Она ужасно противная, – тут же ответила Женя, причем совершенно искренне.

– И некрасивая к тому же, – подхватила Ира. – Она мне в подметки не годится.

– Согласна.

– Я надеялась, что Ян разорвет помолвку из-за меня, – призналась Ира. – Но... Влияние отца оказалось сильнее, чем мои чары. Впрочем, я до сих пор не теряю надежды. Слушай, может быть, Ян уехал, чтобы собраться с мыслями? Его отец настаивал на свадьбе, а Ян все тянул.

– Нет, – покачала головой Женя. – Если бы он уехал, то предупредил бы отца. Он бросил дела... Да и вообще это не в его духе. До сих пор не было ни одного прецедента.

– Я не верю, что с ним произошло что-то ужасное, – решительно сказала Ира. – Может быть, это какая-то тайна, но вряд ли она грозит Яну смертью. Если бы он во что-то влип, его бы убили сразу и не таясь. Ты со мной согласна?

– Я-то согласна. Кроме того, на фирме всеми делами заправляет дядя, – высказалась Женя. – Если бы дело было в бизнесе, дядя первым попал бы под колпак.

– Если только Ян не влез во что-то без ведома отца, – задумчиво проговорила Ира.

– Нет, Ян не стал бы за спиной дяди вести свою игру. Он не такой человек.

– Но просто сидеть сложа руки все равно не стоит. – Ира натянула на себя узкие брючки и эластичную кофточку, заплела волосы в косичку и сделалась похожа на хорошенькую старшекласницу. – Я недурно сохранилась, – подмигнула она Жене. – На самом деле мне уже двадцать шесть. А ты вообще выглядишь как семикласница. Слушай, я не стану предлагать тебе свою одежду, ведь ты даже у дяди ничего не берешь. Но с прической можно поколдовать.

– У меня волосы слишком короткие, – с сожалением сказала Женя. – Из них можно сделать только крысиный хвостик.

– Да их надо просто накрутить на бигуди. Или завить горячими щипцами.

– У меня ничего такого нет, – призналась Женя.

– Кто бы сомневался. Ладно, сегодня мы не станем ничего делать, но я обещаю всерьез подумать о твоём облике на досуге. Не бойся, не забуду. Не люблю бросаться пустыми обещаниями.

Женя ей сразу поверила и снова переключилась со своей внешности на кузена.

– У тебя есть какие-нибудь мысли относительно Яна? – спросила она.

– Ну... Стоит одна избушка на Азовском море. Мы иногда скрывались в ней пару-тройку дней. Может, Ян избрал ее в качестве временного убежища? Думаю, мне стоит это проверить.

– Ладно, – сказала Женя. – А я пока займусь коротышкой. Кстати, ты не знаешь, кто это? – спохватилась она и достала из своего туго набитого кармана моментальный снимок. – Я нашла эту штуку спрятанной в старинной вазе.

– Первый раз вижу, – пробормотала Ира, сосредоточенно разглядывая снимок. – А Ян разозлился. Смотри, у него белый нос. Когда он по-настоящему сердит, у него от носа кровь отливает. Значит, это не шутка и не розыгрыш. Он действительно сцепился с этим человечком. А кто, интересно, их фотографировал?

– Да! И, главное, зачем? – подхватила Женя. – Может быть, это шантаж?

– Боже мой! – Ира прикусила губу. – Кажется, я начинаю волноваться. Не знаю, почему мне казалось, что у Яна нет от меня секретов. Но, возможно, у него были серьезные проблемы, а он просто не подавал вида? Не хотел меня расстраивать?

– Можно, я тебе позвоню, когда ты узнаешь про избушку? Ту, на Азовском море? – робко спросила Женя.

– Конечно! Сейчас я тебе напишу свой телефон. – Ира достала из лаковой сумочки ручку и визитку – точно такую же, как та, на которой Ян нацарапал свою записку, – и красивым крупным почерком написала свой телефон.

«Какая она потрясающая, раскованная, свободная!» – подумала Женя, которая сама писала так, словно хотела сделать буквы вообще невидимыми: они были крохотными и угловатыми.

– Кстати, – сказала Ира. – У меня тоже есть брат. Родной, правда. И он крутой парень. Если ты не возражаешь, я с ним посоветуюсь. Если понадобится грубая мужская сила, можешь иметь его в виду.

– Да в общем-то, – робко возразила Женя, – Веня Лаптев поможет, если что.

Ира рассмеялась:

– Я ж его видела, твоего пресловутого Веню. Он симпатяга парень, но вряд ли может похвастаться развитой мускулатурой. А в любом расследовании когда-нибудь наступает критический момент.

– Ладно, – сказала Женя. Она чувствовала себя очень странно: такая девушка, как Скобкина, общается с ней на равных, предлагает помощь и вообще ведет себя как... ну, как подруга.

– У меня машина, – сообщила между тем Ира. – Подвезу тебя до дому. Я знаю, где это.

Ира вела машину соответственно своему характеру – легко, без всякого напряжения, но и без глупого лихачества. Всю дорогу они обсуждали возможные пути розысков Яна. Ира со своей стороны обещала обзвонить всех общих знакомых.

– Во двор заезжать не стану, боюсь твоего дяди, – криво усмехнулась она, затормозив поодаль от дома Ярославских. – Не забудь потребовать у него новые туфли! – крикнула она напоследок, открыв пошире окошко.

– Сейчас не время! – отозвалась Женя, махнув рукой. – Дядя очень расстроен, ему не до моих проблем.

Дом встретил ее неприветливой тишиной. Женя тут же застеснялась своего приподнятого настроения. Действительно, не слишком ли она оптимистично настроена? Как будто бы одно только ее решение отыскать двоюродного брата уже гарантировало ему скорое возвращение. А что, если все напрасно? Если Яна уже давно нет в живых? Пока Женя дошла до своей комнаты, по ее спине успела проползти целая армия мурашек. Атмосфера дома была мрачной, тут несколько дней сгущались пессимистические мысли и витали плохие предчувствия. Однако, несмотря ни на что, заснула Женя мгновенно.

* * *

Разбудили ее сдавленные стоны и женские всхлипы, раздававшиеся откуда-то снизу. «Неужели сбылись худшие ожидания дяди, – подумала Женя испуганно, – и милиция нашла тело Яна?» Она накинула на себя халат и выскочила в коридор, наткнувшись на приходящую уборщицу, которая уныло терла тряпкой перила.

– Что случилось? – метнулась к ней Женя. – Это... Из-за Яна?

– Невеста ихняя приехали, – шепотом сообщила та. – Плачут. А ваш дядя их успокаивают.

Вздохнув спокойнее, Женя возвратилась в комнату, привела себя в порядок и только тогда отправилась вниз. Картина, которую она застала в холле, была достойна кисти живописца.

Ярославский, вперив влажные глаза в противоположную стену, похлопывал по спине Свету Шмелеву, которая безвольно висела на нем, обхватив руками за плечи. На ней было черное шелковое платье, туго обтягивающее некрасивые бедра, и длинные черные перчатки, какие Женя видела только в старых фильмах. «Хорошо, что не нацепила вуаль, – раздраженно подумала она. – Тоже мне потенциальная вдова».

Впрочем, грубить не хотелось.

– Здравствуйте, – поздоровалась Женя, стараясь изо всех сил проявить сочувствие.

Света, длинно всхлипнув, оторвала лицо от груди Георгия Николаевича и посмотрела на нее.

– Женечка! – крикнула она и, словно вспорхнувшая ворона, отлепилась от дяди и бросилась к ней на шею. Та едва устояла на ногах, когда Света повисла на ней.

– Спокойно, пока нет причин оплакивать Яна, – выговорила ей Женя. – Ведь ничего еще не известно! Может быть, он со дня на день возвратится домой.

– Ах, боже мой, ты просто пытаешься меня утешить! – протрубила Света в покрасневший нос. К слову сказать, она была вдвое массивнее утешительницы, но всем телом навалилась на нее.

«Хорошо бы не упасть вместе с ней на пол, – подумала Женя. – И не сломать себе что-нибудь. Иначе сцена преждевременного горя омрачится до невозможности».

– Тебе что-нибудь нужно, Женя? – спросил дядя, когда им удалось немного успокоить Свету и усадить ее за стол, чтобы напоить кофе и подсластить слезы пирожными.

Женя страшно удивилась такому вниманию с его стороны и сразу же подумала про свои ботинки, но не смогла преодолеть себя и заговорить о столь прозаической вещи в разгар семейной трагедии. Тем более в присутствии скорбящей невесты.

– Нет, дядя Георгий, ничего, – пробормотала она. – А у Карпенко нет новостей?

Все-таки Карпенко был профессионалом, докой по части всего, что касалось криминала. Жене хоть и хотелось получить вознаграждение, но она все же была не против увидеть Яна живым и невредимым бескорыстно. Однако дядя с сожалением покачал головой:

– Карпенко и его люди в недоумении. Они сейчас проверяют наших партнеров. Прочесывают все возможные связи Яна. Все впустую!

«Значит, я права! – подумала Женя возбужденно. – Исчезновение Яна не связано с бизнесом. Неужели я не смогу догадаться, что у него была за тайна?» Машинально жуя бутерброд, она пришла к выводу, что ее кузен мог попасть в переделку из-за женщины. Ира Скобкина, конечно, классная девушка. Но кто может гарантировать, что она у Яна одна? Допустим, их множество – «дорогих девочек» кузена? И какая-то, восплавав ревностью, подложила Яну свинью. А что, если у него, и того круче, есть внебрачные дети, о которых он не рассказывал отцу? Боже мой, но как все это выяснить?

Провожаемая убийственным взглядом экономки, Женя положила салфетку на стол и отправилась бродить по окрестностям. Все свои богатства она носила с собой. Кроме фильмов, обнаруженных в комнате Яна, которые спрятала под матрас. Она надеялась, что Пыгова после многолетних тщетных попыток найти в ее комнате что-нибудь эдакое навсегда отказалась от обысков. Если задуматься, это даже смешно: у Жени нет ничего, что следовало бы скрывать от посторонних глаз. Но тут Женя вспомнила о видеокассете, где она показывала стриптиз, и тяжело вздохнула. Да, теперь у нее в шкафу спрятан настоящий скелет.

Обернувшись на дом, она с грустью подумала, что, возможно, его скоро придется покинуть. Когда позвонят шантажисты и в последний раз потребуют свои две тысячи долларов, придется бежать от дяди без оглядки. Женя уже тайком покупала газеты и просматривала объявления о работе. Найти работу, наверное, было можно. Но предлагаемой зарплаты не хватит, чтобы снимать жилье и нормально питаться. Ведь никому не докажешь, что у нее есть опыт работы, – на нее в фирме дяди не завели трудовую книжку. Для общества Женя оставалась без-

работной. Итак, вопрос с трудоустройством пока что казался неразрешимым. Если бы только удалось отыскать Яна!

Блуждая среди особняков, изредка облаиваемая шарпеями, догами и другими породистыми сторожами, Женя не заметила, как дошла до самого края поселка. Дорога не вела ни к озеру, ни к лесу, поэтому она сюда никогда не заходила. Справа раскинулись кукурузные поля, слева медленно шевелилась в крутых берегах река.

Женя уже собралась было повернуть обратно, когда внезапно зацепилась взглядом за что-то, что заставило ее насторожиться. Забор! Боже мой, конечно! Это тот самый забор, кусочек которого попал на моментальный снимок, обнаруженный в вазе! Забор был заметным – сложенным из камня трех цветов, с полосой затейливых узоров понизу.

Дрожащими пальцами Женя растегнула пуговицу на рубашке и достала из кармана фотографию, добытую в вазе. Не было никаких сомнений: именно к этому самому забору Ян прижимал растрепанного коротышку. И происходило это, судя по всему, внутри двора, потому что снаружи росли кусты шиповника, а в кадре их не было. «Провидение! – подумала Женя, трепеща. – Неужели я на верном пути и высшие силы мне помогают? Ведь никогда раньше я сюда не забредала, даже случайно».

Заинтересовавший ее дом был самым последним в ряду особняков и стоял на обрыве. Жене даже показалось, что, закладывая фундамент, строители пошли на риск. «А что, если Яна сбросили в реку из окна этого самого дома? – подумала она невольно. – Высота здесь просто головокружительная. Под покровом ночи в этом уединенном месте можно обделявать темные делишки, не опасаясь, что тебя поймут за руку». Соседний особнячок стоял довольно далеко, и вряд ли кто-то обратил бы внимание на звук падения тяжелого предмета в реку.

«Может быть, не стоит болтаться тут совершенно открыто? – всполошилась Женя. – Если хозяева причастны к исчезновению Яна, они могут знать меня в лицо – ведь дом дяди находится не так уж далеко!» Она попятилась, почувствовав себя букашкой, посаженной на любопытную детскую ладонь. Потом, круто развернувшись, едва ли не вприпрыжку бросилась восвояси.

* * *

В саду Ярославских садовник колдовал над парадной клумбой – дядя не одобрял вольно растущих цветов и даже от нарциссов и тюльпанов требовал повиновения. Жене пришло в голову, что садовник может знать что-нибудь об интересующем ее доме и его обитателях – он был местным и приходил сюда из деревни, раскинувшейся на другом берегу реки.

– Дом с каменным забором? – переспросил садовник, распрямляясь и потирая спину. – Так они тут почти все такие.

– Да я же говорю, – торопилась Женя. – Забор особенный, разноцветный. Камни выложены узором. Красный кирпич, белый и малиновый. И узоры идут такими полосками, а наверху у них ушки, как на кремлевской стене. Дом на обрыве стоит, там.

Она не хотела показывать фотографию. Существовала опасность, что садовник проговорится вездесущей Ирме Гавриловне, перед которой он трепетал, словно бандерлог перед удавом Каа.

– А-а! – Лицо старика внезапно осветилось пониманием. – Так это ж дом стоматолога Хрюкина!

При слове «стоматолог» Женя языком невольно потрогала пошатывающийся зуб.

– Хрюкин такой маленький, вечно растрепанный? – уточнила она, чувствуя зуд в коленях.

– Точно! А на кой он вам сдался? Я б ему не доверил зубы сверлить. Чудной он и шепутной. А как с женой ругается! Опера! Посуду бьют – звон стоит, аж на другом берегу слышно. А на что он вам? – снова спросил любопытствующий садовник.

– Он... – замялась Женя. – Он... задавил кошку. Я была свидетельницей. Видела его за рулем. Возмущенные хозяева требуют заплатить за ущерб.

– Ну, это они зря, – протянул старик. – Ни черта он им не заплатит.

Пунцовая Женя подумала, что в последние дни врет без продыха. Раньше у нее даже поводов не было придумывать невесту что. И, главное, как ловко из нее выскакивают враки! Она даже не подозревала в себе таких способностей.

«Итак, стоматолог Хрюкин, – мысленно поздравила себя Женя. – Представляю, как его, бедняжку, дразнили в школе». Именно с этим Хрюкиным произошел когда-то у Яны крупный разговор. И кто-то их в момент выяснения отношений сфотографировал. Да, но давно ли это было? И имеет ли отношение фотография к теперешним событиям? Женю распирало желание это проверить. Вот только как?

На пороге дома ее встретила экономка. Поскольку ее глазки возбужденно блестели, Женя поняла, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Евгения, вы очень кстати. К вам пришли, – выпалила Ирма Гавриловна, часто дыша.

– Ко мне?! – Женя так удивилась, что даже отступила на несколько шагов назад. – А кто?

– Какой-то молодой человек.

«Ну, конечно, это Венька Лаптев! – решила Женя. – Только почему он приехал прямо сюда? Первый раз в жизни. Вероятно, что-то случилось». Подавив внешние признаки волнения, она торопливо вошла в холл вслед за экономкой, которая сказала: «Вон он!» – таким тоном, будто речь шла о мерзейшем из земных созданий, которое следовало немедленно уничтожить.

На небольшом диванчике, обитом светлой кожей, сидел незнакомый Жене молодой человек бандитского вида и поигрывал золотым перстнем, надетым на толстый палец. Правда, перстнем его личный золотой запас не ограничивался. На запястье поблескивал массивный браслет, а в вырезе рубашки виднелась жирная, словно змея, цепочка.

– Вы ко мне? – пискнула Женя, не смея прогнать экономку, застывшую за спиной.

Вместо нее это сделал незнакомец. Завидев Женю, он резво поднялся на ноги и, махнув рукой в сторону Ирмы Гавриловны, сказал:

– Свободна, тетя!

И, уже обращаясь к Жене, расплылся в идиотской улыбке:

– Здравствуйте. Я Петр, секете?

Поняв, что Женя явно «не секет», он пошевелил бровями и пояснил:

– Ну, это, Петр. Скобкин. Ирка сказала, вам надо подсобить.

– Но я даже не знаю... – испугалась Женя. – Сейчас еще ничего не требуется.

В этот момент мимо них с высоко задранным подбородком, чеканя шаг, прошла Ирма Гавриловна, всем своим видом выражая презрение слуги богатых хозяев к негодному посетителю.

– Выйдем, покалякаем, – предложил Скобкин, махнув рукой в направлении двери. – А то у вас тут людно.

Жене ничего не оставалось делать, как последовать за ним. Они вышли из дома и по мощеной дорожке прошли на дорогу. Здесь и Женя, и Скобкин почувствовали себя гораздо спокойнее.

– У меня сегодня свободный денек выдался, – пояснил он, доставая из кармана мятую пачку сигарет. – Я курну, ты не против?

– Курите, пожалуйста, – писклявым голосом разрешила Женя.

Черт знает что! Общаться с мужчиной, да еще распоряжаться им – такого с ней не приключалось даже во сне.

– Ты гляди не стесняйся, – заявил между тем добрый Скобкин. – Если надо чего расследовать, я подстрахую. Пушку с собой взял, так что все в ажуре.

В то время как он говорил, мимо них на приличной скорости пронесся серебристо-серый автомобиль, закидав обочину градом мелких камней. Женя успела разглядеть лысину шофера, обрамленную довольно длинными всклокоченными волосами. Ни с кем его не спутаешь. Хрюкин! «А что, если пойти ва-банк? – внезапно подумала она, воодушевленная присутствием Скобкина с пистолетом. – Напугать этого Хрюкина лобовой атакой? Он наверняка даже не подозревает о том, что кому-то стало известно о его связи с Яном. Я постучу, потом смело пройду в дом и потребую объяснений. Скобкин останется на шухере. Если Хрюкин накинется на меня, он придет на помощь».

Свой план она сбивчиво изложила брату новой подруги. Выслушав ее, тот хмыкнул и сказал:

– А пошли!

* * *

Между тем в доме Хрюкина поднялся настоящий переполох.

– Муж приехал! – сдавленно крикнула жена стоматолога, Маргарита Хрюкина. Это была красивая шатенка с глазами азиатского разреза и большим чувственным ртом, алчущим поцелуев. Мужчины пачками сходили от нее с ума. Если бы Маргарита была крепостью, желающих сидеть в осаде набралась бы целая армия. Однако, чтобы завоевать благосклонность красавицы, никаких особых усилий не требовалось. Сам стоматолог Хрюкин был всего лишь вывеской, призванной облагородить тот проходной двор, который Маргарита устроила из своей спальни. Однако вывеска время от времени воображала себя человеком и поднимала бунт.

– У моего мужа кризис среднего возраста, – объясняла своим любовникам, застигнутым на месте преступления, Маргарита, когда в их обнаженные торсы летели горшки с геранью или вазы чешского стекла, запущенные рукой Хрюкина и разбивавшиеся на великолепные цветные куски.

Сегодня в спальне Маргариты застряло лицо итальянской национальности, которое плохо понимало по-русски, но компенсировало этот недостаток южной необузданностью. Слова «муж приехал» для него ничего не значили.

– Муж! – повторила Маргарита, изобразив указательными пальцами над головой маленькие рога. – То самое чудовище, из-за которого я так страдаю! Вставай, Лоренцио, тебе надо бежать!

В этот момент на туалетном столике ожил телефон. Звонок его был так же пронзителен, как голос хозяйки. Недолго думая, Маргарита схватила трубку.

– Алло! – закричала она таким тоном, будто тушила пожар, а какие-то негодяи отвлекли ее от благородной миссии.

– Дорогусечка! – Низкий взволнованный голос влился прямо из трубки в нежное ухо Маргариты.

– Ты не вовремя! – рявкнула та. – Оставь меня в покое, Леонид!

– Не могу! – простонал невидимый Леонид. – Моя жена все знает! Она отправилась к тебе!

– Только этого не хватало! – Маргарита закатила глаза. – Муж приехал раньше, чем я предполагала. Если твоя благоверная налетит на него, будет вселенский скандал! И тогда мы не сможем больше встречаться!

– Нет, только не это! – вскрикнул Леонид.

– Ты должен был остановить ее! – попеняла ему Маргарита.

– Как?! Это ведь фурия! Это ураган! Это... это цунами!

– Ты говорил, что она маленькая и тощая, как глист.

– Это правда! Вся ее мощь заключена в бешеном нраве!

– Ладно, попробую ее напугать! – крикнула Маргарита и, бросив трубку, обернулась к итальянцу, который совершенно не владел ситуацией.

– Лоренцио! Ты полный кретин! – сказала она.

– Си! – ответил тот и широко улыбнулся.

– А как можно объяснить полному крестину, что ему необходимо вылезти в окно?

Между тем хозяин дома, потерявший массу времени на открывание и закрывание ворот, загнал машину в гараж и появился на крыльце. Едва он поднял руку, чтобы толкнуть дверь, как зазвонил мобильный телефон, прицепленный к его поясу.

– Да! – коротко бросил Хрюкин, у которого сегодня выдался весьма неудачный день. – Слушаю вас, говорите!

– Ах, Пал Семенович! – проворковал сдобный женский голос так нежно и одновременно страстно, словно задался целью соблазнить Хрюкина прямо по телефону. – Как поживаете?

– М-м... Неплохо, – соврал тот и замер, ожидая продолжения.

– Моя дочь уже приехала к вам?

Хрюкин хлопнул себя ладонью по лбу и выругался одними губами. Он совершенно забыл про пациентку, которая требовала особого подхода и намеревалась терзать его прямо на дому.

– Еще нет, – коротко ответил он, кое-как совладав с эмоциями.

– Не забудьте, что мое солнышко чрезвычайно впечатлительно. Она станет отвлекать вас разговорами, придумывать всевозможные уловки и отговорки. Может сказать, что ее тошнит и кружится голова. Вы не должны обращать на это внимания!

– Не буду! – пообещал Хрюкин.

– Тогда хорошо. И смотрите, не напугайте ее своей бормашиной. Сделайте все так, как мы и договаривались. Заговорите ей зубы!

Отключившись, Хрюкин топнул ногой.

– Разве я чертов заклинатель? – рявкнул он, адресуясь, вероятно, к мировому пространству. – Я стоматолог! Я лечу зубы, а не заговариваю их!

Через дорогу от дома Хрюкина начинались кукурузные поля. Залегший среди молодой кукурузы Скобкин в этот самый момент толкнул Женю в спину, чтобы придать ей необходимое ускорение. Она перебежала через шоссе, отворила резную калитку и оказалась прямо за спиной рассерженного стоматолога. Упасть в обморок ей не давала лишь мысль о благородстве собственной миссии. Внутренне она была полна решимости идти в атаку. Оставалось только разлепить склеившиеся от страха губы и прочистить горло.

Обернувшись на шум, Хрюкин увидел Женю, бледную словно привидение, и, решив, что это и есть та самая трусливая пациентка, о которой только что шла речь, широко улыбнулся. Сделал он это молниеносно, и со стороны казалось, будто улыбку со всего маху прилепили на его лицо.

Сказать по правде, Хрюкин был сегодня совершенно не в настроении заниматься частной практикой, однако за один вылеченный зуб своей доченьки мамаша обещала заплатить немислимые деньги. Кроме того, у самой мамашы рот был девственно нетронут и сулил Хрюкину хороший заработок. И это обстоятельство никак нельзя было сбрасывать со счетов.

– Здравствуй! – сказал он со зловещей, как показалось Жене, ухмылкой, подскочил к ней и запер калитку. – А я вас жду.

Увидев, что при этих его словах Женя отшатнулась, он, крепко схватив ее за локоть, стал заталкивать ее в дом.

«Он меня ждал! – в ужасе подумала Женя. – Значит, он следил за мной! Я для него нежеланный свидетель. Наверное, он хочет меня убить».

– Не троньте меня! – закричала Женя, и Петя Скобкин, оставшийся в кукурузе, мгновенно насторожился.

Захлопнув за собой дверь, Хрюкин запер ее на ключ, а ключ опустил в карман брюк. Тяжело дыша, Женя с ужасом смотрела на него.

– Вы думаете, это больно? – спросил Хрюкин, изо всех сил стараясь выглядеть добрым. – Ошибаетесь! Я сделаю все нежно, как мама.

– Меня тошнит, – сказала Женя, трясаясь всем телом.

«Начинается!» – подумал Хрюкин. Женя же подумала совсем о другом. Черт дернул придумать такую глупость! Как Скобкин узнает, что ее убивают? И вообще, как он попадет в эту крепость со своим пистолетом? Было только одно средство дать ему знать о своих неприятностях – поднять шум до небес. Может, разбить окно? Но все окна в пределах видимости были зарешечены. Значит, придется визжать. И чем громче, тем лучше. Однако, прежде чем начинать визжать, надо все-таки хоть что-то выяснить. Заставить Хрюкина признаться, шокировав его.

– За что вы убили моего двоюродного брата? – спросила она, в упор глядя на стоматолога.

Хрюкин, намеревавшийся пригласить Женю в кабинет и уже открывший было для этого рот, от неожиданности лягнул челюстью. Ему потребовалась целая минута, чтобы вновь обрести дар речи.

– Пардон! – возмутился он, когда наконец смог заговорить. – Я? Кого-то убил?

– У меня есть доказательства! – крикнула Женя и, достав из кармашка фотографию, сунула Хрюкину под нос.

Увидев снимок, хозяин дома тотчас же исполнился негодования.

– Мерзавец! – воскликнул он. – Так это и есть ваш двоюродный брат, чтоб ему пусто было?

Фотографию сделала Маргарита два месяца назад из окна своей спальни. После этого она размахивала ею перед Яном, приговаривая: «Да ты настоящий лев! Гляди, какой грозный! Как ты накинулся на него!» Это было после того, как Хрюкин столкнулся с запутавшимся в шелковых простынях Яном лицом к лицу в спальне неверной супруги. Поскольку Ян и Хрюкин были знакомы, сцена ревности получилась особенно отвратительной. После урагана, разнесшего полдома, Маргарита целых десять дней хранила верность супругу. Занятие это оказалось страшно утомительным, и теперь она изо всех сил старалась наверстать упущенное.

Женя тем временем решила, что пришло время блефовать:

– У меня есть сведения, что в понедельник вечером Ян вошел в этот дом и не вышел из него! – выкрикнула она.

– Если он не вышел, это означает только одно: что моя жена замучила его до смерти! – сообщил Хрюкин, ревность которого со временем не уменьшалась, а только закалялась в битвах. – У нее, у нее надо спрашивать! Маргарита! – завопил он.

Между тем Маргарите ценой огромных усилий удалось запихнуть Лоренцио в шкаф. Он ни за что не хотел лезть в окно и дико хохотал, когда она толкала его в спину, думая, что это такая игра. В шкаф, впрочем, он тоже лезть не желал.

– Не понимаю, почему ты сопротивляешься! – злилась Маргарита. – Шкаф раздвижной, в нем просторно и прохладно!

В конце концов она победила, и Лоренцио оказался, где и было задумано. Засунув туда же упаковку пива и пакет чипсов, Маргарита сдула с лица влажный локон и побежала вниз. Еще на лестнице она услышала крики мужа и вторящий им женский голос.

«Эта ведьма уже здесь! – ахнула про себя Маргарита, полагая, что в гостиной находится не кто иной, как жена Леонида. – Сейчас муженек снова примется колотить дорогие вазы. Мне тоже достанется». Однажды Хрюкин в неистовстве засветил супруге кулаком в глаз. В знак протеста Маргарита носила синяк целых две недели – придавая ему при помощи фиолетовых теней особо угрожающие размеры и очертания.

– Салют! – сказала она, влетая в гостиную. – Что за крики, что за шум?

Сказать по правде, сейчас Маргарите ужасно не хотелось скандалить. Ей казалось пошлым разбираться с женой одного любовника, когда ее постель еще хранила очертания тела другого. Но, увидев Женю, глаза которой горели фанатичным блеском, она поняла, что малой кровью не обойтись.

– Не понимаю, зачем вы нагрянули! – воскликнула Маргарита, делано всплеснув руками. – Между ним и мною все давно кончено.

– Он не вернулся домой, – сказала Женя, вперив пытливый взгляд в жену стоматолога.

– О господи, только этого мне не хватало! – простонала Маргарита.

– Куда он делся из вашей спальни? – холодно поинтересовалась Женя.

– Куда делся? В окно, естественно. В окно! – выкрикнула Маргарита.

– Он сорвался вниз? – спросила Женя. – И разбился?

– Разбился! Черта с два! – рассвирепела та. – Он мне только что звонил!

– Ян?! – воскликнула изумленная Женя.

– Ян?! – эхом повторила за ней Маргарита с той же самой интонацией.

Хрюкин, проявив необыкновенную проницательность, первым сообразил, что его супруга запуталась в своих любовниках.

– Эта девица утверждает, что Ян Ярославский не выходил из нашего дома с самого понедельника! – с нехорошей извилистой улыбкой поведал он жене причину появления Жени в их гостиной.

– Ян Ярославский? – продолжала удивляться та, пытаясь поскорее сообразить, что, собственно, происходит.

* * *

В доме Ярославских тем временем была объявлена тревога. Ирма Гавриловна, потрясенная до глубины души обращением с собой мужлана, незадолго до этого явившегося в дом, позвонила Георгию Николаевичу и обо всем ему доложила, объяснив свое наущничество, естественно, беспокойством о Жене, которая, как ей кажется, могла связаться с плохой компанией.

Старший Ярославский дал отмашку Карпенко, который уже через двадцать минут был на месте и отправился по следу парочки, ушедшей в сторону кукурузного поля. Их видел садовник, их видела старуха молочница, их видел пацан, катающийся на велосипеде. Не приложив особых усилий, Карпенко вскоре уверился в том, что Женя находится внутри дома с узорчатым кирпичным забором.

Прежде чем принимать какие бы то ни было решения, Карпенко обычно подсматривал и подслушивал. Поэтому вместо того, чтобы позвонить в звонок, он отправился в обход особняка, чтобы посмотреть, можно ли незаметно попасть внутрь. С тыла особняк был защищен естественным образом, и неприступный забор заканчивался на краю обрыва.

Бесстрашный Карпенко, улегшись на живот и цепляясь ловкими руками за камни и цветы, начал пробираться к задней стене. В какой-то момент ему показалось, что он не первый проделывает этот путь, – на глаза ему попадались пучки травы, вырванные с корнем, и следы пальцев, скребших грунт. Причем вывороченная земля была совсем свежей. Откуда он мог знать, что буквально за пять минут до него здесь прополз Петя Скобкин?

Окна первого этажа были зарешечены, поэтому ни Скобкину, ни следовавшему за ним по пятам Карпенко ничего не оставалось, как лезть на второй. Благо вся стена была увита плющом, который романтически настроенная Маргарита частенько предлагала использовать своим любовникам в качестве веревочной лестницы.

Первым в спальню Маргариты попал Скобкин. Замерев на месте, он достал пистолет и огляделся по сторонам. На первый взгляд в спальне никого не было. Впрочем, из шкафа раз-

давались ужасно странные звуки. Конечно, Скобкин не мог знать, что внутри сидит Лоренцио и поедает чипсы.

Простояв на месте достаточно долгое время и определив источник звука, он подкрался к шкафу и уже протянул руку, чтобы пустить дверцу вбок по желобку, когда услышал возню и чье-то натужное пыхтение под окном. Мысленно заметавшись, Скобкин рванул на себя маленькую дверцу в углу и очутился в кладовке, где Маргарита хранила утюг, гладильную доску, фен и множество всякой всячины. С трудом втиснувшись внутрь, Скобкин затаил дыхание и услышал, как кто-то легко спрыгнул на пол комнаты с подоконника.

Тем временем внизу в гостиной супруги Хрюкины, позабыв о Жене, всю выясняли отношения. Скандал вошел в ту фазу, когда в ход шла тяжелая артиллерия.

– Ты довела меня до такого состояния, что я был бы рад одному твоему любовнику! Но только одному! – вопил Хрюкин, размахивая руками перед носом жены. – У тебя же их десятки, сотни! Это какой-то дурдом! К нам уже стали приходить люди в поисках своих родственников, пропавших в твоей спальне!

– Моя спальня – не Бермудский треугольник! – кричала в ответ Маргарита, топая ногой в домашней туфле с помпоном. – Ты бесчувственный человек, Хрюкин! Ты просто глыба льда! Ты айсберг! Ты не в состоянии согреть мою постель!

– И именно поэтому там без конца оказываются горячие мужчины?!

Хозяин дома схватил со столика хрустальное блюдо и поднял его у себя над головой.

– Только посмей, обглоданная кочерыжка! – закричала Маргарита. – Я верна тебе, глупец!

– Ты?! Верна?!

– По мере сил!

– Ненадолго же хватает твоих сил!

– Клянусь, ты ошибаешься! – выкрикнула Маргарита уже более жалобно и потянула на себя блюдо. – Отдай, ушибешь ноги.

– Пусть! – едва не разрыдался безутешный Хрюкин. – Пока я надрываю живот на работе, в твоей спальне, словно тараканы, кишат любовники!

– Там никого нет! – с подкупающей искренностью соврала Маргарита. – Я весь день скучала одна. А ты, вместо того чтобы прийти и приласкать меня, хватаешься за хрусталь!

– Я не верю, что там никого нет! – с надрывом сказал обманутый стоматолог. – Убежден, что какой-нибудь бугай уже продавил новый матрас своей игривой задницей! Я вот сейчас поднимусь туда и посмотрю сам!

Он метнулся к ореховому комоду, рывком вытащил на себя ящик и выхватил оттуда маленький, но, без сомнения, настоящий пистолет. Подняв его дулом вверх, он, повеселев, скомандовал:

– Теперь все вверх! Будем веселиться!

– Я не хочу при этом присутствовать! – воскликнула Маргарита, проявляя слабые признаки беспокойства. И, повернувшись к Жене, пояснила: – Сейчас он примется раскидывать подушки и крушить мебель, а я этого не выношу. Отдай мне ключ от входной двери! – обратилась она к мужу.

Мстительно улыбаясь, тот достал из кармана брюк связку ключей и бросил ей. Маргарита метнулась к двери, потом к калитке и, открыв ее, нос к носу столкнулась с женой Леонида.

– Вы кто такая? – растерянно спросила она, пятясь.

Как и предрекал Леонид, его жена ураганом ворвалась в гостиную, но, увидев испуганную Женю и растрепанного Хрюкина с пистолетом на изготовку, прямо на ходу потеряла скорость.

Маргарита вбежала следом.

– Кого-то ищите? – задорно поинтересовался Хрюкин, бочком подвигаясь к ней. – Хотите сказать, что тоже потеряли в нашей спальне своего родственничка, а?

– Мужа, – сообщил ураган, быстро переходя в просто порывистый ветер. – Леонида.

– Леонида! – Хрюкин всплеснул рукой с зажатым в ней пистолетом, и все присутствующие как по команде отшатнулись от него. – Что ж, будем искать!

Он вихрем взлетел по лестнице на второй этаж, а женщины, мелко семена, побежали за ним, словно жены за разгневанным султаном. Распахнув дверь спальни, Хрюкин ворвался внутрь и безумными глазами оглядел интерьер.

– Ха-ха! – крикнул он, указывая дулом на шкаф. – Вот то место, которое интересует меня больше всего!

– Дорогой, перестань! – гневаясь, закричала Маргарита и вцепилась всеми десятью пальцами в ту руку Хрюкина, которой он сжимал оружие. – Это просто глупо.

Лоренцио, сожравший к тому времени все чипсы и запивший их пивом, громко рыгнул в шкаф.

– Я же говорил, там кто-то есть! – Хрюкин залился радостным смехом и, подскочив к шкафу, оттолкнул дверцу.

Мягко отъехав в сторону, она явила взорам всех присутствующих обнаженного итальянца, прикрывающего чресла пустой банкой из-под пива.

– Ну что? – спросил Хрюкин, оборачиваясь к жене Леонида. – Это он? Леонид?

– Нет, – ответила та, нервно облизывая губы. – Этого я не знаю.

– Тогда можно его пристрелить, – решил Хрюкин, целясь Лоренцио в лоб. Поскольку тот никак не отреагировал на столь угрожающий жест, Хрюкин дополнительно поинтересовался: – Ты готов к тому, чтобы умереть?

– Си! – сказал Лоренцио и рыгнул еще раз.

– Ладно, хрен с тобой! – внезапно смиростивился Хрюкин. – Живи покуда. – Он одним резким движением задвинул дверцу шкафа обратно. – Что ж, значит, Леонид где-то в другом месте.

– Ты сказал, что одного любовника мне простишь! – тут же нашлась Маргарита. – Тем более что он очень важный иностранец и у него дипломатическая неприкосновенность. Кроме того, Лоренцио у меня один. Можешь больше не искать!

– Неужели? – Хрюкин уже вошел в азарт и не собирался сдаваться.

Маргарита, наивно полагавшая, что, кроме Лоренцио, ей больше ничто не грозит, сложила руки на груди и соорудила презрительную гримаску.

– Значит, говорите, ваш муж не пришел домой? – пробормотал стоматолог, озираясь. – Посмотрим, где он мог задержаться!

Хрюкин подскочил к кладовке и дернул на себя дверь. Немедленно взглядам всех присутствующих предстал Петя Скобкин, сидящий в скрюченном виде на пуфике Маргариты. В одной руке у него был утюг, в другой – пистолет, причем размером гораздо больше хрюкинского.

– Ну че, народ, может, обойдемся без стрельбы? – предложил Петя примирительным тоном.

Маргарита изумленно вскрикнула, Женя зажала рот ладонью, а Хрюкин, ничуть не испугавшись, спросил, адресуясь, как повелось, к жене Леонида:

– Ну что? Это ваш благоверный?

– Нет, это тоже не он, – жалобно проблеяла та, отчаянно жалея, что ей вообще пришла в голову идея ревновать и ехать домой к любовнице мужа.

– Это... Это мой друг, – робко сказала Женя и встала так, чтобы защитить собой Скобкина.

– Посмотри, что ты сделала с бедной девушкой! – с укоризной сказал Хрюкин, обернувшись к онемевшей жене. – Сначала двоюродный брат, потом друг...

– При чем здесь я? – возмутилась Маргарита.

– Разве это не твоя спальня?

В словах Хрюкина определенно был резон, поэтому его жена воздержалась от возражений. Между тем Лоренцио надоело сидеть в шкафу. За неимением другой одежды он набросил на себя женский халат и стал корябать дверцу. Только отодвинул он ее не вправо, как это делал Хрюкин, а влево. Благодаря чему глазам изумленной публики явился Карпенко, заполнивший собой всю крайнюю секцию шкафа. В отличие от Скобкина, он не доставал оружия, решив, что это ни к чему хорошему не приведет.

– Здравсте! – сказал Карпенко, совершенно не представляя, как себя вести. Судя по тому, что он слышал, стрелять в потолок не имело никакого смысла.

– Костя! – воскликнула Женя, вытаращив глаза. – Что ты здесь делаешь?!

– Хороший вопрос! – громко, но как-то нехорошо рассмеялся Хрюкин. – Что ты здесь делаешь? А ты что здесь делаешь? – спросил он, обращаясь к лупающему глазами Лоренцио. После чего резво повернулся к Скобкину: – А ты?

Маргарита, все это время усердно морщившая лоб, неожиданно произнесла:

– Мне кажется, это воры.

– Отличная мысль! – обрадовался Хрюкин. – Лицо с дипломатической неприкосновенностью плюс шайка из дома Ярославского!

В этот момент позвонили в дверь.

– О! Кто-то еще пришел на поиски. Возможно, у этой спальни гораздо больший резерв, чем я предполагал! – воскликнул Хрюкин и скомандовал: – За мной!

Почему-то все сразу послушались и последовали за ним. Так что пациентка, которая до обморока боялась бормашины, увидела всю ораву разом. Вздвинченного и растрепанного Хрюкина с красными глазами и дикой улыбкой на лице, мрачную Маргариту, пришибленную жену Леонида, ошалевшую Женю, сосредоточенного Карпенко, Лоренцио в женском халате, из-под которого сверкали кривые голые ноги, и в довершение всего Скобкина с утюгом в одной руке и большим пистолетом в другой.

– Здра-а-а-вствуйте! – радостно закричал Хрюкин. – Заходите, пожалуйста! И не бойтесь! Ничего страшного с вами здесь не случится.

– Это вы доктор? – спросила девица, от удивления позабывшая обо всех своих страхах.

– Я, я доктор. Пользую пациентов прямо на дому. У меня и бормашина есть! – Он показал в сторону кабинета рукой, в которой был зажат пистолет. – Она не страшная! Вы заходите, не стесняйтесь!

Трусливая пациентка переступила порог и словно сомнамбула направилась к двери, ведущей на второй этаж.

– Нет, в спальню не надо! – сказал Хрюкин и, понизив голос, пояснил: – Там, знаете ли, небезопасно. Люди там появляются и исчезают словно привидения. Причем совершенно бесконтрольно.

– Я, пожалуй, зайду в следующий раз, – пробормотала пациентка, отступая к выходу. – Мне что-то нехорошо.

– А кому тут хорошо? – не пожелал войти в ее положение Хрюкин. – Раз пришли, вам отсюда дороги назад нет. Я вас обязательно вылечу!

Пока стоматолог препирался с девицей, толпа в гостиной начала потихоньку рассасываться. Первой в приоткрытую дверь просочилась жена Леонида, затем Карпенко со Скобкиным. Шествие замыкала Женя. Рядом с Маргаритой остался один Лоренцио в ее расписанном вручную шелковым халате.

– Почему ты до сих пор здесь? – с мученическим видом вопрошала Маргарита любовника, толкая его двумя ладонями в грудь. – Ты выглядишь круглым дураком, ты понимаешь это?

– Си! – отвечал Лоренцио, и это было последнее, что слышала Женя, закрывая за собой дверь.

* * *

Женя довольно долго простояла пнем на краю кукурузного поля, пока Карпенко и Скобкин вели между собою мирные переговоры. Чувствовала она себя в данный момент прескверно. Неужели это она устроила весь тот тарарам, который происходил в доме Хрюкина? И что самое обидное, устроила его совершенно напрасно. Судя по всему, Ян после той знаменательной стычки со стоматологом больше с его женой не встречался. По крайней мере, наличие в спальне Маргариты Лоренцио и возмущенной жены Леонида говорило в пользу этой версии.

Удовлетворенный объяснениями, Карпенко наконец ушел, а Скобкин со скорбной физиономией объяснил Жене:

– Я ему сказал, что у нас... того... отношения...

– Что вы говорите? – пискнула Женя, не зная, что на это ответить.

– Да. Ты вроде как пошла к врачу зуб лечить, а я вроде как приревновал и отправился следом.

– Приревновал к стоматологу?!

– А че? Он богатый. И сосед к тому же.

– И Карпенко поверил?

– А что ему оставалось делать? Ты же видела этот карнавал! Он сыграл нам на руку. В общем, вот тебе телефон моего мобильного, звони, как только понадобится.

– Спасибо, – весьма неуверенно пробормотала Женя. Она очень надеялась, что не попадет в ситуацию, когда ей снова понадобится Скобкин со своим большим пистолетом.

– Да чего там! Меня ведь Ирка просила. Младшая сестра!

Входя в дом, Женя была натянута как струна. Доносчица Пыгова демонстративно пронесла мимо нее поднос с фруктами и стаканом кефира, ничего при этом не сказав. Выходя из Жениной спальни, она захлопнула дверь прямо перед ее носом.

– Благодарю вас, Ирма Гавриловна, – вздохнула Женя.

– Не за что, не за что, – пропела экономка. – У вас, Евгения, теперь новая, интересная жизнь. Надо поддерживать силы. Вечером я принесу еще порцию провизии. Кстати, когда начнете перекусывать, не забудьте, что через пятнадцать минут обед.

К счастью, за обедом дядя ничего не сказал Жене по поводу ее сегодняшних приключений. Возможно, Карпенко вообще не докладывал ему подробностей происшедшего. Хотя Ирма Гавриловна так и шныряла вокруг стола, надеясь стать свидетельницей нагоняя, который дяде полагалось было задать племяннице за дружбу с ужасным Скобкиным.

Не прошло и получаса после обеда, как нервы Ирмы Гавриловны были в очередной раз травмированы, а любопытство понапрасну раззадорено. Телефон в холле внезапно зазвонил – громко и требовательно. Пospешив к аппарату, она схватила трубку и услышала незнакомый женский голос, который сказал:

– Позовите... э-э-э... сестру Яна Ярославского.

– Ждите, – ледяным голосом сказала экономка и неспешно отправилась на второй этаж.

– Вас к телефону, Евгения, – объявила она с обвиняющей интонацией, распахнув без стука дверь Жениной комнаты.

– Кто? – невольно спросила та.

– Как мне кажется, это похитители Яна. Почему-то они хотят поговорить именно с вами.

Женя на ватных ногах спустилась вниз и схватила трубку основательно вспотевшей ладонью. Она подумала, что звонят не похитители Яна, а те люди, которые ее шантажируют.

– Алло? – спросила она, стараясь дышать не слишком шумно. – Кто говорит?

– Это Маргарита Хрюкина, – сообщила трубка задумчивым голосом. Судя по всему, жена стоматолога тщательно прикрывала ее ладонью. – Я вот что хотела сказать... По поводу Яна. Я действительно видела его в понедельник. Кажется, это вас так сильно интересовало...

Сердце Жени забилося с удвоенной скоростью. Если Ян пропал не по дороге домой, а прямо здесь, в поселке, круг поисков значительно сузился. Однако Маргарита следующей фразой остудила ее пыл.

– Я видела его в Москве, возле супермаркета. Не знаю, как называется эта улица, но могу подробно объяснить, как туда добраться.

Она громким шепотом описала место, где встретила тогда Яна.

– Было около восьми вечера, – добавила Маргарита. – Я посмотрела на свои часы. Примерно без пяти – без шести минут восемь.

– О чем вы с ним разговаривали? – отважилась спросить Женя.

– А кто вам сказал, что мы вообще разговаривали? Я к нему даже не подошла. Я как раз ловила машину на другой стороне дороги. И мне было не до него. Я... Я была с другим человеком.

– А этот другой человек тоже видел Яна? – на всякий случай поинтересовалась Женя.

– Возможно, видел. Но он ведь не знает его в лицо! Кроме того, он не говорит по-русски, – многозначительно добавила она.

Значит, Маргарита была с Лоренцио! А от него без переводчика, кроме «си», и впрямь ничего не добьешься. Обидно, конечно. Впрочем, грех сетовать. Какая-никакая, а это все-таки информация. Новая информация! Такой, пожалуй, нет даже у Карпенко.

– Я очень вам благодарна за звонок, – искренне сказала Женя. – Возможно, это поможет в поисках. Я просто уверена, что поможет.

– Ян мне очень нравился, – призналась Маргарита. – Хотя в последнее время мы стали уставать друг от друга.

Женя не нашлась, что на это ответить, и, еще раз поблагодарив Маргариту, положила трубку на место.

– Надо было поставить телефон на прослушивание, – заявила Ирма Гавриловна, проходя мимо Жени в кухню. – Я говорила этим людям из милиции, но они заявили, что требований выкупа не будет. Якобы для таких требований уже слишком поздно.

– Это не требование выкупа, – поспешила разуверить ее Женя. – Это частный звонок. Он совершенно не касается денег, понимаете?

– Понимаю, – зловещим тоном сказала Ирма Гавриловна. – Я все понимаю... И гораздо лучше, чем вы полагаете, Евгения.

Женя поторопилась уединиться в спальне, чтобы переварить информацию, полученную от Маргариты.

Итак, если Маргарита не врет, она была последней, кто видел Яна в роковой понедельник. Ян стоял рядом со своей машиной, припаркованной на стоянке возле супермаркета. Или собирался садиться и уезжать, или только приехал – Маргарита не поняла. Единственное, что она могла сказать, что Ян с кем-то встречался там. Или кто-то поджидал его, или он с кем-то прощался. Маргарита уверяет, что он улыбнулся и махнул рукой, глядя в сторону магазина. Ей очень хотелось узнать, кто это, но тут подъехала машина, и у нее не осталось на это времени.

Ян был в той же одежде, в какой уехал из офиса. После долгого допроса следователя Женя могла с точностью до минуты воспроизвести свои действия во второй половине дня понедельника. Она без колебаний подписала собственные показания, в которых говорилось, что Ян ушел с работы в половине восьмого. Хотя Женя редко раскатывала по городу в машине, да и то, если удавалось, в качестве пассажира, было ясно, что Ян из офиса сразу же отправился к тому самому супермаркету, о котором говорила Маргарита. Наверное, там должно было состояться свидание. Женя еще раз напомнила себе, что Ян – очень эффектный мужчина и поклонник у

него наверняка целая дюжина. Кроме того, вряд ли он назначил возле магазина именно деловую встречу. Нет-нет, конечно, личную.

«Надо будет съездить туда и сориентироваться на месте», – подумала Женя и запланировала поездку на завтрашнее утро. На сегодня и так было достаточно переживаний. Заодно она решила захватить с собой видеокассеты, зайти в первый подвернувшийся видеопрокат и спросить, могут ли там определить их принадлежность. В самом деле, допустим, ее муж уехал в командировку и забыл вернуть взятые фильмы. И ей не хочется платить за каждый день просрочки – ведь получится огромная сумма! А она не знает, в каком прокате муж брал кассеты.

Женя усмехнулась. Муж! Муж был для нее сплошной абстракцией. Она никогда не примеряла к себе эту абстракцию, даже в самых смелых мечтах. Так уж получилось, что в своей жизни она не нравилась никому – ни молодым мужчинам, ни старым, ни симпатичным, ни страшным, ни высоким, ни низким. Никто никогда за ней не ухаживал, не приглашал на свидания и даже не звонил по телефону просто так. Женя – страшно сказать! – ни разу не целовалась с парнем. Веня Лаптев с самого детства был только другом, и ничего, кроме дружбы, ему в голову не приходило.

Ночью Жене приснился странный сон. Будто Ира Скобкина сидит в рабочем кресле Яны и, грозя ей пальцем, повторяет голосом экономки:

– Люди часто лгут, Евгения, не забывай этого. Зачем тебе позвонила Маргарита? Вероятно, она преследовала какую-то цель! Не верь никому на слово!

Проснувшись на рассвете, Женя никак не могла прогнать назойливое видение. Может, это был вещий сон? И Маргарите Хрюкиной действительно не стоит верить? Что, если она придумала всю эту историю с Яном, которого она якобы видела возле супермаркета? Придумала для того, чтобы отвести от себя подозрения, а на самом деле это именно она встречалась с Яном в понедельник.

Женя не знала, что делать. Верить Маргарите или нет? Ехать в центр города к супермаркету или же остаться в поселке и следить за домом Хрюкиных? Честно говоря, ее мало привлекала перспектива пролежать полдня в кукурузе, поэтому она остановилась на первом варианте.

* * *

Прежде чем отправиться на описанное Маргаритой место, Женя решила заехать к Лаптеву на работу. После посещения ресторана они не виделись и не разговаривали. Веня вряд ли переживал по этому поводу. Он обладал потрясающей способностью выключаться из жизни, стоило только показать ему светящийся монитор. Однако Жене казалось, что будет некрасиво, если она, втянув Веню в расследование, не расскажет ему о том, как развивались события дальше.

– Что ты надеешься найти возле этого супермаркета? – скептически спросил Лаптев, после того как Женя сообщила ему последние новости.

– Не знаю, мало ли. Может быть, там платная стоянка и служащий запомнил автомобиль Яны. Или там есть киоск, торгующий сигаретами, а в нем работает любопытная девушка, которая обращает внимание на всех симпатичных мужчин, появляющихся в поле ее зрения. Я просто хочу посмотреть.

– А в пакете у тебя что? – поинтересовался подозрительный Лаптев. – Надеюсь, ты не стащила из дому какой-нибудь пугач, чтобы чувствовать себя крутой?

– Нет, там видеокассеты. – Женя потрясла пакетом в воздухе. – Правда, я не слишком хорошо представляю себе, что с ними делать...

– А когда ты снова встретишься со Скобкиной? – перебил ее Веня, напряженно глядя прямо перед собой. – Вы ведь договорились о следующей встрече?

– Ну... Как тебе сказать... У Иры сейчас гастролы.

– Так она уехала из Москвы?

– Да нет, она разъезжает со своими музыкантами по подмосковным Домам культуры. Такое турне местного масштаба. Я оставила ей дядин телефон, а она мне свой.

– Дай посмотреть!

– Веня, ты что, втюрился в эту девушку? Она ведь любит Яна!

– И пусть себе. Я, может, просто хочу с ней поболтать.

– Я от тебя этого не ожидала.

– Тебе-то что? – обиженно спросил Веня. – Если даже я ей позвоню, мир не разлетится на кусочки. Правда ведь? Чего ты надулась?

– Ян – мой двоюродный брат. Я не хочу, чтобы кто-то отбил у него девушку в столь трагический момент его жизни.

– Ладно, уговорила, не буду звонить, – махнул рукой Лаптев. – Тем более что я не уверен, захочет ли прима со мной разговаривать.

– Не думай, что она вся из себя! – бросилась защищать Скобкину Женя. – Она, наоборот, своя в доску.

– Кстати, могу дать тебе бесплатный совет, – сказал Лаптев, с ласковой иронией глядя на свою ошетинившуюся подругу. – Прежде чем ты начнешь бродить с видеокассетами по прокатам, обязательно посмотри, что на них записано.

– Но это просто художественные фильмы!

– Откуда ты знаешь?

Женя покраснела и не нашлась, что сказать. Действительно, откуда она знает? Боже мой, какая же она наивная! Почему ей в голову не приходят самые простые вещи? Наверное, сказывается отсутствие настоящего жизненного опыта. И она еще на что-то надеется! Почему Веня прямо не скажет ей, что идея самостоятельного поиска Яна совершенно нежизнеспособна? Наверное, он просто боится задеть ее самолюбие.

Женя быстро распрощалась с Лаптевым и отправилась в дядину фирму. У нее были ключи как от приемной, так и от кабинета двоюродного брата. А в его кабинете стоял видеомагнитофон. Сотрудники, попадавшие ей навстречу, ходили со скорбными лицами. Они тихо здоровались с Женей, словно уже начались поминки. По всей видимости, никто не верил в то, что Ян Ярославский до сих пор жив.

Оказавшись наконец в кабинете, Женя вытряхнула кассеты на стол и задумалась. «Вероятно, здесь собран компромат на Яна, – решила она, сосредоточенно хмурия лоб. – Ведь шантажисты мне тоже прислали видеокассету! А я даже не смогла сопоставить два этих события! Но от Яна, скорее всего, потребовали гораздо больше денег».

Женя уже абсолютно уверилась в правильности собственных умозаключений. Поэтому была страшно разочарована, когда вместо любительской видеосъемки увидела начало того самого художественного фильма, название которого значилось на коробке. Не желая признавать своего поражения, Женя просмотрела обе кассеты от начала и до конца. Потратила кучу времени и, разочарованная, снова засунула их в пакет. Вот тебе и раз! Фильмы. Просто фильмы. Зачем они Яну? Как попали на его стеллаж?

Настроение у Жени испортилось. И почему ей казалось, что она быстро и ловко разгадает загадку? Одно дело – читать детективы, и совсем другое – самой выступать в роли сыщика. В книжках всегда находились случайные свидетели и важные улики, которые можно было интерпретировать, у нее же не было практически ничего. Вернее, может, и было, но она не умела этим воспользоваться.

Понурая, Женя поехала к тому самому супермаркету, о котором ей рассказала Маргарита Хрюкина. Вера в свои силы у нее уже была подорвана, поэтому она довольно уныло оглядывалась по сторонам. Место, где, по словам Маргариты, стояла машина Яна, было ею обнару-

жено без затруднений. Чуть дальше автобусной остановки, прямо перед поворотом на стоянку. Интересно, почему Ян не повернул туда? Возможно, встреча, которую он тут назначил, была короткой? Ему что-то передали или кто-то просто подсел к нему в машину?

Маргарита сказала, что Ян обернулся и, поглядев через левое плечо назад, улыбнулся и помахал кому-то рукой. Женя перешла на другую сторону дороги, встала на том же месте спиной к магазину, обернулась через левое плечо и... наткнулась взглядом на вывеску «Видеопрокат». В ту же секунду ее плохое настроение улетучилось, как хмурая туча после дождя.

Здание супермаркета оказалось большим и новым. Строителями были учтены удобные подъезды и подходы к магазину, впускавшему и выпускавшему людей через множество стеклянных дверей. Перед входом находилась большая площадка с тележками на колесиках, которые покупатели оставляли после того, как загружали сумки в багажники машин. Слева в здании супермаркета располагалась американская химчистка, а справа – пункт обмена валюты и видеопрокат. Именно его вывеска произвела такое сокрушительное впечатление на Женю.

Она внимательно огляделась по сторонам. Никому не было до нее никакого дела. Дверь видеопроката была из затемненного стекла, однако на ней висела большая табличка: «Открыто». Медленно приблизившись, Женя обратила внимание на часы работы. Ежедневно с девяти до двадцати трех, без перерыва на обед.

Толкнув дверь, Женя очутилась в довольно большом помещении, стены которого занимали стеллажи с коробками из-под кассет. Несколько посетителей бродили по залу, вчитываясь в аннотации. За стойкой возле входа обнаружили две девицы, встретившие появление Жени приветливыми улыбками. Девицы были до того хорошенькими, что хотелось остановиться и любоваться на них. Может быть, это и есть та самая причина, которая заставила Яна выкинуть на ветер шестьдесят рублей?

Приняв от Жени кассеты и проверив их, одна из девушек с огорчением воскликнула:

– А у вас тут сильно просрочено!

Женя, слегка ошарашенная тем, что кассеты и в самом деле оказались из этого видеопроката, даже не сразу сообразила, чего, собственно, от нее хотят.

– Пять рублей за один день просрочки, – сказала та девушка, у которой были короткие волосы и улыбка гейши. – Сейчас подсчитаем.

– Ой! – испугалась Женя. – А у меня только доллары!

– Сходите разменяйте, дверь рядом, – добродушно посоветовала вторая, жгучая брюнетка с тщательно подрисованным ртом.

Пролепетав извинения, Женя выскочила из одной двери и ворвалась в другую. Операции по обмену валюты здесь также совершала девушка. В настоящий момент она разговаривала по телефону. Стрельнув в Женю глазами и увидев, что та копается в своем кармане, она решила закончить разговор. Через стеклянную перегородку ничего не было слышно, и Женя некоторое время наблюдала, как девушка шевелит губами. «И эта тоже очень хорошенькая, – уныло подумала она. – Такое впечатление, что мир просто кишит хорошенькими девушками. Или же судьба посылает их мне в насмешку».

Возвратившись в видеопрокат, Женя заплатила по счету и отправилась бродить среди полок. Она понятия не имела, что делать дальше. Может быть, показать работницам фотографию Яна? Впрочем, поразмыслив немного, она раздумала. Лаптев не раз говорил о том, что она наивна и действует по первому побуждению. Сыщик так поступать не должен. Разве стал бы настоящий сыщик сразу же раскрывать карты и выбалтывать повсюду, что ему нужно? Ведь тот, кто владеет информацией и хочет скрыть ее, тогда примет предупредительные меры. Уничтожит улики, например. С другой стороны, если ни у кого не спрашивать про Яна, как вообще сдвинуть с места расследование?

В конце концов Женя выбрала наугад какой-то фильм и подошла к стойке.

– Вашу карточку, пожалуйста, – попросила брюнетка, показывая ровные зубки.

– А у меня ее нету! – растерялась та. – Фильмы, которые я принесла, мой приятель попросил отдать. – Она моргнула и виновато добавила: – Он заболел.

– Тогда вам нужно завести свою карточку! – сообщила девушка и подвинула Жене типовые бланки договора. – Заполните, пожалуйста.

Выполнив все формальности и спрятав в нагрудный карман рубашки карточку видеопроката и экземпляр только что подписанного договора, Женя вышла на улицу и остановилась в нерешительности.

«Вероятно, про Яна надо расспрашивать не в самом видеопрокате, а в окрестностях. В магазине, например. Возможно, он покупал здесь что-нибудь. Впрочем, что? Он не курил, почти не пил и не заботился о хозяйстве. Продуктами холодильник загружала экономка. Что было делать Яну в супермаркете? Однако, – подумала Женя, – я ничего не знаю о частной жизни кузена и могу здорово ошибаться». Может, он покупал здесь шоколадные конфеты и шампанское для своих пассий?

Тут она вспомнила о девушке из пункта обмена валюты и о том, что Ян носил в бумажнике исключительно доллары. В ее голове помимо воли начал складываться некий план. Подкараулив девушку во время обеденного перерыва, Женя отправилась за ней в соседнее кафе и, купив себе кофе и пирожок, робко подошла к столику, за которым та уже капитально обосновалась.

– Простите, – спросила она нерешительно. – Можно я присяду?

Девушка бросила удивленный взгляд на свободные соседние столики и пожала плечами:

– Пожалуйста.

– Извините, что я вас отвлекаю, – еще более жалобно и растерянно продолжила Женя, – но у меня тут такое дело...

И она принялась вдохновенно врать. Она говорила о любви, о чистых чувствах, растоптанных мерзавцем, который, соблазняя ее, такую юную и непорочную, забыл сообщить о жене и двух ребятишках.

– Я подумала, что вы можете мне помочь.

– Я?! – страшно удивилась девушка из пункта обмена валюты.

Женя ничуть не смутилась и быстро спросила:

– Кстати, как вас зовут?

– Оля. Так я не поняла: как я могу помочь?

– Я случайно узнала, что он женат. И когда он в очередной раз позвонил по телефону, спросила у него в лоб. И больше... – Женя правдоподобно всхлипнула, – ...больше он ни разу мне не позвонил!

– А вы не знаете, где он живет?

– Не знаю! Ни как ему позвонить, ни как разыскать... Зато я знаю, что он отоваривается в этом супермаркете. И он богат. У него в бумажнике всегда полно долларов. Мне кажется, он часто к вам заходит. В обменный пункт, я имею в виду.

Оля схватила предложенную фотографию и впиалась в нее глазами.

– Точно, я его знаю. Сто раз менял у меня «зелененькие» на рубли. И всегда был с девушкой. – Она бросила на Женю сочувственный взгляд. – Такая фифа, отпасть. Длинные белые волосы, ноги от ушей – ну, вы в курсе.

Женя нервно сглотнула.

– А родинка у нее на щеке есть? – спросила она, вспомнив личико Иры Скобкиной.

– Наверняка подрисованная! – фыркнула Оля.

«Вот это номер! – растерянно думала Женя, усевшись на парапет и уставившись на носки своих массивных ботинок. – Значит, Ира частенько встречалась здесь с Яном. Может быть, в понедельник с ним тоже была она? Чего ей стоило обвести меня вокруг пальца? Да ничего!

Пара улыбок, вскользь брошенный комплимент – и я уже ее верная подруга. А на самом деле она что-то знает об исчезновении Яна. Возможно, даже принадлежит к банде похитителей!»

Итак, на что направить свою энергию? На слежку за Скобкиной или на наблюдение за видеопрокатом? Женя остановилась на видеопрокате. Правда, лишь потому, что понятия не имела, каким образом, не звоня Ире, узнать ее адрес. И вообще – как она может следить за человеком, который, в отличие от нее, ездит на автомобиле? К тому же Ира сейчас каждый вечер выступает то в Дмитрове, то в Серпухове. Разве Жене за ней угнаться?

Устроившись в тени на скамейке, где восседала пара молчаливых пенсионеров, Женя вновь впала в уныние. Сегодня новые факты будто сами идут ей в руки, но что с ними делать дальше? Может быть, записать на бумагу и попытаться сопоставить друг с другом?

Время тянулось медленно, однако возле видеопроката ничего стоящего не происходило. Женя поднялась и решила, что пора отчаливать восвояси. Завтра она снова отправится повидаваться с Лаптевым... Не успела она додумать мысль до конца, как в тот же самый момент увидела Иру Скобкину. Она шла ко входу в магазин, придерживая локтем маленькую сумочку. На ней был красный брючный костюм, отделанный широким белым кантом. Светлые волосы струились по спине. Женя непроизвольно вжала голову в плечи, но Скобкина ее уже заметила.

– Женя! – воскликнула она, всплескивая руками и буквально кидаясь к ней. – Вот так встреча! Ты не меня случайно ждешь?

– Здесь? – растерянно переспросила Женя.

– Ах да, ты вряд ли в курсе, что это наш с Яном любимый магазин! – Ирина взяла Женю под руку и потащила за собой. – Пойдем, прошвырнемся по отделам. У тебя есть лишние полчаса?

– Есть, – не задумываясь, ответила Женя.

– Когда мы с Яном собираемся провести вечер наедине, то едем сюда, чтобы закупить провизию. Здесь отличные готовые салатики. Я люблю картофельный, а Ян сырный.

Навалив тележку продуктов, Ира ринулась к кассе, продолжая делиться с Женей подробностями своих взаимоотношений с ее кузеном.

– Еще Ян иногда брал на вечерок пару неприличных фильмов, – между прочим сообщила Ира. – Тут рядом есть видеопрокат, Ян знаком с тамошним хозяином. Тот ему всегда оставлял что-нибудь особенное, с перчиком. Ну, ты понимаешь, о чем я.

Женя тут же устыдилась своих прежних мыслей. Вот и логичное объяснение тому, зачем Ян заходил в этот супермаркет и с какой стати записался в видеопрокат! И зря, выходит, она подозревала Иру. Устроила целое представление перед девицей из пункта обмена валюты, хотя могла бы все узнать у своей новой подруги.

– Ах да, вопрос на засыпку: у тебя мой брат не появлялся? – поинтересовалась Ира.

– Ой, я совсем забыла... – Женя принялась сбивчиво рассказывать о том, что случилось в доме Хрюкина. При этом роль Пети приукрасила до невероятности.

– Не может быть! – то и дело восклицала Ира. – Но эта Маргарита! Бывают же такие любвеобильные женщины!

– Извини, – пробормотала Женя, только теперь сообразив, что, рассказывая о связи Яна с женой стоматолога, задела нежные чувства Скобкиной.

Приятно ли той слышать, что у Яна была женщина на стороне? И это не считая официальной невесты. Традиционно покраснев до корней волос, Женя пролепетала что-то утешительное.

– Это все ерунда, – отмахнулась Ира. – Я легко отношусь к мужским шалостям. Главное, чтобы Ян был жив.

– Кстати, – вспомнила Женя, – Маргарита Хрюкина уверяет, что Ян был здесь в понедельник. И не один.

– Где? – удивилась Ира.

– Здесь, возле магазина. В восемь часов вечера. Его машина стояла вон там, – показала Женя рукой. – И он кому-то улыбнулся и махнул рукой.

Ира споткнулась на ровном месте. Тележка с провизией, скрипнув, отъехала в сторону. Женя удивленно посмотрела на подругу. Та стояла как вкопанная, глядя пустыми глазами в пространство.

– Что случилось?

– Очевидно, я слишком многое ему прощаю. Может, у него на каждый день недели – новая девица? – с болью в голосе спросила Ира.

– Не думаю, – неуверенно ответила Женя.

– Ему нравится этот супермаркет, и опять же порнушка под боком. Что, если он возил сюда всех девиц подряд? – Ира до крови прикусила губу. – Что, если я – всего лишь одна из многих?

– Ты действительно так думаешь? – спросила Женя.

– Я не хочу так думать! – с надрывом воскликнула Ира и вдруг без перехода спросила: – А что это у тебя на груди? Я имею в виду – в кармане?

– Это? Это деньги, документы, все самое необходимое.

– Ты прямо как мужчина. Переложи свое добро хотя бы в пакет: посмотри, на кого ты похожа!

Женя стала расстегивать пуговицу на кармане рубашки, а Ира ей помогала.

– Господи, да у тебя тут целый склад бумажек! – говорила она, укладывая все, что достала, в целлофановый пакет. – Ты бы еще положила все это в стеклянную банку, как старуха, которая боится карманников!

Вечером, перед сном, Женя стала проверять свои сокровища и только тогда обнаружила, что карточка видеопроката, которую она только сегодня приобрела, бесследно исчезла.

* * *

На следующий день Женя снова поджидала Веню Лаптева в сквере возле офиса.

– Ты беззастенчиво срываешь мне обеденный перерыв, – без особых эмоций сообщил Веня, усаживаясь на облюбованную Женей скамью.

– Мы можем пойти перекусить вместе, – предложила она.

– Разумно, – сразу согласился тот, и они направились в кафе неподалеку.

– Веня, у меня проблемы, – сообщила Женя почти официальным тоном.

– Как будто я не знаю! – фыркнул тот. – Пропал твой кузен, ты хочешь уйти от дяди, поэтому задумала сама найти Яна, чтобы получить вознаграждение. Однако все оказалось гораздо сложнее и запутаннее, чем ты себе это воображала, лежа без сна на узкой кушетке в своей спальне.

– Откуда ты узнал о кушетке? – опешила Женя.

– Догадался.

Перед тем как войти в кафе, Лаптев пригладил двумя руками непокорные волосы и придержал Женю под локоть.

– Если ты хочешь втянуть меня в свое расследование, то знай сразу: этот номер не пройдет. Я терпеть не могу сидеть по кустам, особенно когда погода так неустойчива.

– Веня, не финти, на улице стоит жара.

– Зато к ночи обещают перепад атмосферного давления.

– Значит, ты не хочешь мне помочь?

– Я не считаю это разумным.

– А что, если я стану тебе все рассказывать, а ты ограничишься советами и замечаниями?

– Давай, – милостиво согласился Веня. – Такая помощь мне вполне по плечу.

Пока они ели, Женя выложила Лаптеву все в подробностях, о всех своих встречах, разговорах и подозрениях.

– Ну, и что бы ты стал делать теперь? – спросила она с неподдельным любопытством, когда рассказ подошел к концу.

Мужское мнение против женского – разве это не интересно? Что все-таки предложит Венька?

– Я бы занялся владельцем видеопроката, – пожал плечами Лаптев. – Надо выяснить доподлинно, какие его связывают отношения с твоим кузеном. Вдруг деловые? Что, если твой двоюродный брат вложил в организацию этого самого видеопроката энную сумму денег?

– Не думаю, – покачала головой Женя. – Ян – вице-президент процветающей фирмы. Отец не мешал ему работать.

– Господи, откуда ты такая умная? И отмечаешь сразу все предположения. А их следует тщательно проверять!

– Ладно, как бы то ни было, я согласна, что владельцем видеопроката непременно надо заняться.

– Ты хотя бы узнала у Скобкиной, как его зовут?

Женя покачала головой, очередной раз обозвав себя в душе не слишком лестным словом. И почему она ничего не делает так, как надо? Упустить из виду столь простую вещь! Придется звонить Ире домой. Женя больно ущипнула себя за кончик носа, словно наказывая за то, что ее отношение к Скобкиной колеблется словно часовой маятник. То она ей верит, то нет. Вчера при расставании – верила. Но ведь только Ира держала в руках все ее бумаги! И после этого карточка видеопроката исчезла!

– Как ты думаешь, зачем было Скобкиной похищать такую безобидную вещь, как карточка? – вслух спросила она у Вени. – Ведь их можно приобрести сколько угодно.

– Есть только один ответ на этот вопрос: она подумала, что умыкнула карточку Яна, – ответил Лаптев, прожевав и с наслаждением проглотив особенно сочный кусочек мяса.

– А на глаз их разве не различить?

– Нет, их может различить только компьютер.

– Но я же не компьютер и не могла извлечь из этого кусочка пластика никакой информации. Зачем ей меня опасаться?

– Глупая ты, Женька! – вздохнул Лаптев. – От тебя эта карточка могла переключиться в какие угодно руки: к дяде, к его прихвостням, к милиции, наконец! Ведь идет как официальное следствие, так и неофициальное. А ты живешь в доме дяди!

– Хочешь сказать, я проворонила важную улику?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю. Что может быть в видеопрокате, в их компьютере? Только сведения о фильмах, взятых напрокат?

– А может быть, у них там база данных для шантажа?! – азартно воскликнула Женя.

– Ага, и четыре человека бесконтрольно шарят по ней с утра до вечера.

– Какие такие четыре человека?

– Работники, Женечка. Ты же сама сказала: когда ты туда пришла, за стойкой сидели две девушки. Но раз прокат работает без выходных, у девушек должны быть сменщицы. Итого, четыре штатные единицы.

– Мне требуется узнать и их подноготную тоже? – мрачно поинтересовалась Женя.

– Не думаю, что твои возможности распространяются так далеко.

– Я вообще не знаю, как мне подступиться к этому дурацкому заведению! – воскликнула Женя. – Ну, взяла я у них фильм напрокат, а что дальше?

– М-м... – сказал Лаптев. – Выясни, как зовут владельца, по каким дням он появляется в своем заведении, сколько проводит там времени и что делает. Эта работа должна оказаться тебе по зубам! А позже посмотрим.

* * *

Следующим утром Женя поднялась ни свет ни заря. Прокат открывался в девять, значит, на месте ей надо быть на всякий случай в начале девятого. Экономка уже не спала, а шуршала на кухне.

– Хотите сказать, что для вас одной необходимо сервировать стол? – с таким неподдельным возмущением спросила она, что Женя мгновенно потеряла аппетит.

– Мне бы просто чашечку кофе и бутербродик... – тем не менее попросила она.

– Ваш дядя не одобряет бутербродов утром. Мне придется бросить дела, встать к плите и готовить вам нормальный завтрак.

– У меня нет времени, Ирма Гавриловна! – тихо, но твердо возразила Женя, решив вообще отказаться от завтрака. Она повернулась и пошла прочь.

Экономка проводила ее ледяным взглядом, но ничего не сказала. «Опять я ей поддаюсь, – расстроилась Женя. – Когда же наконец у меня достанет пороку дать ей достойный отпор?» Если бы дядя держал себя с ней, Женей, как с настоящим членом семьи, ценил бы ее и баловал, Пыгова наверняка вела бы себя иначе.

Из дома звонить Ире Скобкиной Женя не решилась. Экономка наверняка подслушает разговор, и Женино расследование перестанет быть тайной. Добравшись до метро, она подошла к длинному ряду таксофонов и стала озиаться по сторонам. Не прошло и минуты, как к ней подскочила старуха, промышляющая в переходе.

– Вам позвонить? – радостно поинтересовалась она, доставая из кармана телефонную карточку.

– Да, мне на два слова.

– Десять рублей, – твердо заявила та.

Женя кивнула и достала деньги. Потом отвернулась к стене и набрала номер Иры Скобкиной, надеясь, что та еще дома. Ира долго не отвечала, но в конце концов все-таки сняла трубку.

– Алло! – ответила она, длинно и сладко зевая. Однако, несмотря на то что ее внезапно разбудили, голос у нее был добродушным.

– Ира, это Женя.

– Женя? Привет! Что-нибудь новое про Яна? – взволнованно спросила та.

– Нет, пока ничего. Я на минутку. Хотела спросить о хозяине видеопроката. Ну, у которого Ян брал фильмы. Помнишь, ты говорила?

– Порнушки, что ли? Да, конечно, помню. Что ты хочешь знать про этого типа?

– Все, что знаешь ты.

– Так... – Ира, судя по всему, наморщила лоб. – Что я знаю? Во-первых, я знаю, что его фамилия Кокин. Ян зовет его Андрюшей. Ему около тридцати.

– Как он выглядит?

– Как неимущий студент. Нет, честно. Тощий, с выступающими лопатками. Нос хрящеватый, уши оттопыренные, стягивает волосы аптечной резинкой в хвост. При этом, не поверишь, в нем бездна обаяния.

– Он часто бывает в видеопрокате? – спросила Женя.

– Ну, по вечерам Ян всегда его там заставлял. Хочешь с ним познакомиться?

– Пока не знаю, – проявила осторожность Женя.

– Ян всегда говорит: «Андрюша, а дай мне что-нибудь из твоего золотого фонда!»

– Но если я скажу так же, он наверняка спросит, откуда мне об этом известно.

– Скажи, что Ян Ярославский рассказал.

– Но если он знает, что Ян исчез, тогда сразу всполошится. Ведь я же как раз хочу сделать все тихо, – жалобно ответила Женя. – У меня расследование, а не просто анкетирование.

– М-да, – согласилась Ира. – Если Кокин знает что-то про Яна, про его исчезновение и если он в этом деле замешан, то твоего вопроса испугается, безусловно. Но тогда что ты будешь делать?

– Я еще толком не решила, – призналась Женя.

– А можно я тоже задам тебе вопрос?

– Конечно.

– Ты все в тех же ужасных ботинках?

Женя поглядела на свои ноги и уныло ответила:

– Да, куда они денутся?

– Я обещала, что займусь тобой, – сказала Ира. – Когда приступим?

– Давай, когда найдем Яна?

– Конечно, я допускаю, что твой сиротский вид помогает быть незаметной в толпе, – неуверенно сказала Ира. – Или ты просто привыкла не выделяться. Но поверь, чувствовать себя красивой не так уж плохо.

– Красивой? – переспросила Женя, а про себя подумала: «Неужели эта потрясающая девушка считает, что бигуди и ботинки сделают меня другой? На самом-то деле я останусь все той же серой мышью – только завитой и в новой обуви».

– Мне бы хотелось, чтобы Ян увидел тебя совершенно другой, – настаивала Ира.

– Тогда он меня не узнает. Кроме того, у меня пока нет никакого настроения для перемен.

– Ладно, – сдалась та. – Кстати, сегодня я буду знать про нашу избушку на Азовском море. Брат Петька обещал пробить это дело. Хочешь, я тебе позвоню вечером?

– Нет, – быстро ответила Женя. – Лучше я тебе.

Если ей будут звонить и дальше, экономка сама начнет прослушивать телефон в холле. Если бы следователи имели представление о ее рвении, они вполне могли бы поручить ей шпионскую миссию.

Видеопрокат еще не открылся. Добравшись до места, Женя уселась на широкий бетонный парапет, который тянулся вдоль супермаркета. Примерно в половине девятого она увидела Кокина. После красочного описания Иры Скобкиной его мудрено было не узнать. Тощий хвост, повисший между выступающими лопатками, и оттопыренные уши ярко-розового цвета были самыми характерными деталями его внешности. Кокин открыл дверь и, не оглядываясь, вошел внутрь. Женя прибавила шаг и проскользнула в помещение вслед за ним.

Дверь лязгнула. Женя остановилась на пороге и беспомощно осмотрелась по сторонам. Потому что Кокин уже куда-то исчез. Но лишь только она сделала первый шаг, как он словно Петрушка выскочил откуда-то из-под стойки.

– Ты кто такой? – голосом сердитого взрослого спросил он, недовольно глядя на Женю.

«Итак, я наконец узнала про себя всю правду, – пронеслось в Жениной голове. – Я вообще не похожа на женщину. Ни с какой стороны».

– Не такой, а такая, – отважилась возразить она.

– Тем более. – Кокин уже возвышался над стойкой, положив на нее руки с музыкальными пальцами. – Видеопрокат еще не открылся. Ты бы вывеску прочитала, – более добродушно добавил он.

– Мне надо узнать у вас... – уперлась Женя.

Кокин подумал, что имеет дело с одной из поклонниц кино.

– Что ты хочешь узнать, деточка? – Он словно повернул в себе какой-то винтик и весь залучился обаянием.

– Дадите ли вы мне фильм?

– Дам, только после девяти, дорогуша. Я же сказал: прокат открывается в девять.

– Но в девять здесь будут люди! А мне нужен необычный фильм – фильм из золотого фонда! – Женя пытливно смотрела в круглые и темные, словно две черничины, глаза Кокина.

Тот дернул бровью, больше ничем не выдав своего замешательства.

– Из золотого фонда?

– Да. Мне нравятся именно такие фильмы.

– Ну надо же, какая ты умница! Так, посмотрим, что там у меня припрятано. – Он снова нырнул под стойку. – «Человек дождя» Левинсона, «Американская ночь» Трюффо...

– Мне бы что-нибудь вроде Тинто Брасса. Или покруче. – Жене казалось, что она прекрасно владеет собой. – Я знаю, что такое золотой фонд.

– Я тоже знаю, – улыбнулся Кокин. – Это лучшие фильмы мирового кинематографа.

– Ну, нет, – уперлась Женя. – Я говорю о других фильмах.

– Что-то я тебя не пойму.

– Мне нужно порно.

– Это ты загнула, детка. У нас только эротика. Вон, посмотри, полка в самом конце. Все очень легкое и приятное. «Заблудившиеся в землянике», например. Думаю, тебе понравится.

Женя, не сводившая с Кокина глаз, шестым чувством поняла, что настаивать не имеет смысла. Все будет впустую. Он не даст ей порнуху.

– А Ян Ярославский говорил, что, если упомянуть про золотой фонд, вы не откажете, – звонко сказала она.

– Ян? – словно бы попробовав на вкус это слово, повторил Кокин. – Сказал тебе?

– Да. И еще он сказал, что у него с вами общие деловые интересы.

– Что ты говоришь? А когда это ты разговаривала с Яном? – вкрадчиво спросил Кокин, медленно выходя из-за стойки. – Сегодня утром? А? Или вчера вечером?

Женя попятилась. Вид у Кокина сделался совершенно злодейский. Особенно поражало хищное выражение его лица. Он подошел к ней и сильно потряхнул за плечи.

– А ну-ка, колись, детка! Откуда ты знаешь Яна Ярославского?

Женя испугалась. Ира не предупредила ее, что у Кокина такие темные глаза. Почти чернильные. Когда смотришь в них с близкого расстояния, становится по-настоящему страшно. Она тихонько взвизгнула и, вырвавшись, бросилась за один из стеллажей. Кокин побежал за ней.

В конце концов они стали лицом к лицу на приличном расстоянии друг от друга. Женя подалась влево, Кокин тоже. Он даже растопырил руки, показывая, что не позволит ей просочиться мимо него. И так, с растопыренными руками, начал наступать. Женя взвизгнула немного громче и побежала вокруг центральной стойки, Кокин вновь кинулся за ней. Когда погоня была в самом разгаре и Женя зашла на пятый круг, дверь видеопроката внезапно распахнулась и одна за другой внутрь впорхнули девушки, которые здесь работали. Кокин и Женя сразу же остановились как вкопанные и воззрились на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.